

INSPIRIA

К ЮГУ от ПЛАТАНА

Хэзер Уэббер

INSPIRIA

Novel. Обыкновенная магия

Хэзер Уэббер

К югу от платана

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Уэббер Х.

К югу от платана / Х. Уэббер — «Эксмо», 2019 — (Novel.
Обыкновенная магия)

ISBN 978-5-04-157938-8

У Блу Бишоп удивительный талант. Она умеет находить все то, что потерялось. Вещи, драгоценности, домашних животных... Но иногда она находит на свою голову проблемы. Это и происходит, когда Блу видит у старого платана, о котором ходят мистические слухи среди местных жителей, беззащитного плачущего младенца. Блу всегда мечтала о ребенке, но уж точно она не хотела, чтобы он появился таким образом. А теперь о ее находке с подозрением шепчется весь город. В то же время агент по недвижимости Сара Грейс решает приобрести старый дом семьи Бишоп, но неожиданным образом оказывается втянута в загадочную историю с младенцем и Пуговичным деревом, а еще сталкивается со своей первой любовью, мужчиной мечты. Блу и Сара очень разные. Но, чтобы обрести счастье, им придется отыскать друг в друге нечто общее. «Это магический реализм в его лучшем смысле». - Карен Уайт "Осторожные намеки на волшебство, мягкий юмор... идеально для поклонников Сары Эдисон Аллен и Элис Хофман". - Booklist

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-157938-8

© Уэббер Х., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

1	7
2	16
3	25
4	37
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Хэзер Уэббер

К югу от платана

Heather Webber

South of the Buttonwood Tree

© 2019 by Heather Webber

© Кульническая В., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

* * *

1

– Вы будете круглым дураком, если позволите ей оставить это дитя у себя. Оно должно попасть в любящую семью. – Олета Блэксток шлепнула рукой по столу, едва не столкнув с него кувшин с ледяной водой острым локтем.

Судья Квимби, принимавший посетителей у себя в кабинете, переплел пальцы под двойным подбородком, постарался придать лицу нейтральное выражение и уставился на венчавшую голову Олеты оранжевую шляпку-таблетку. Словно в насмешку над законом гравитации, она сидела набекрень, такая же нахальная и упертая, как и ее хозяйка.

Олета наклонилась к нему, уставилась пылающими праведным гневом глазами-угольками и произнесла:

– Блу Бишоп не распознала бы любовь, даже если бы та выпрыгнула прямо перед ее носом и треснула ее по голове. И мне все равно, что там написано на пуговице. Уверена, вы, судья, примите правильное решение, ведь вы этих Бишопов лучше всех знаете. Даже лучше, чем я.

Да уж, помоги ему Боже, Бишопов он знал хорошо. Как и то, что человек, в самом деле переживающий за благополучие новорожденной, ни за что не стал бы говорить про нее «оно».

Блу

В городке Баттонвуд, штат Алабама, стоял один из тех дней, когда в самом воздухе веет надвигающимися бедами. Налетевший ветер растрепал сонную листву на вековых дубах и устремленных ввысь орехах. В поисках укрытия пробежал по тропинкам, взметая подсохшую грязь и засыпая все вокруг облаками пыли. И яростно засвистел, предупреждая о грозящей опасности всех, кто готов был его услышать.

Что ж, если кто и мог распознать в его завываниях сигнал тревоги, так это я. В конце концов, я ведь носила фамилию Бишоп. А она была практически синонимом слова «беда». И папа, и Твайла, и три моих старших брата встречали беды с распростертыми объятиями, как давно потерянную родню, – и к черту последствия! И поглядите-ка, чем это для них обернулось – все пятеро теперь были мертвы и преданы земле.

Я же все двадцать девять лет своей жизни старалась избегать бед. Мне они даром были не нужны, и от ощущения, что они роятся вокруг, нервы у меня в тот день были на пределе. Я терпеть не могла конфликты, а моя младшая сестра Перси так и вовсе всем своим существом олицетворяла понятие *пай-девочка*. Мы обе в семействе Бишопов были белыми воронами.

– Что тебя гложет? – спросила Марло Аллеман, приподнимая подол длинной юбки, чтобы переступить через бревно. Мы с ней шагали по огибавшей город тропе к могучему платану, нашему знаменитому пуговичному дереву, что росло ровно на середине дороги. А я и не заметила, что замерла как вкопанная.

– Просто в воздухе вдруг повеяло бедой.

– Лучше не обращай внимания, – ответила она. – Как и всегда.

Всю мою жизнь надо мной нависала огромная черная тень надвигающихся бед. Надо мной смеялись. Меня дразнили. Унижали. Я сорвала с одуванчика желтую, как солнце, головку и бросила ее в ведерко к другим цветам, которые уже постигла та же участь. Когда я обтерла руки о старые джинсовые шорты, на выцветшей ткани остались желтые полосы. Того самого оттенка, в поисках которого я и отправилась в лес этим утром. Дома у меня была оборудована художественная студия, и в ней я ловко превращала оторванные головки одуванчиков в цвет-

ные чернила. А еще готовила их из других цветов, орехов, кусочков древесной коры и корней и прочих даров леса.

Однако в лес меня влекли не только поиски источников для новых оттенков чернил. Нет, я будто бы постоянно искала... *что-то*. Что-то невыразимое, неопишемое. Искала всю свою жизнь, следуя настойчивому зову ветра, помогавшему мне находить потерянные вещи.

Это с его помощью мне удавалось найти то, что давным-давно пропало. Я постоянно натывалась на чьи-то часы, кошельки и даже на Мо, мужа Марло, которому с недавних пор пришла охота бродяжничать. Природу этого дара я сама до конца не понимала и контролировать его никак не могла. Однако временами он, бесспорно, бывал очень полезен. И все же эта моя уникальная способность так и не помогла мне найти то единственное, что я искала... всю свою жизнь. То, что звало меня в лес. То, что терзало мне душу и лишало покоя. Нечто давно утраченное и не имеющее названия.

Почему-то казалось, что стоит мне набрести на него – и ветер сразу же шепнет: вот оно, вот что все это время было тебе нужно. Но до сих пор этого не случилось.

И потому я продолжала поиски. Каждое утро отправлялась в лес, притворяясь, будто иду собирать растительные компоненты для чернил, потому что не могу найти в магазине красок нужных мне оттенков. Как автор и иллюстратор детских книжек, я радовалась любой возможности сбежать в свой вымышленный мир. Особой популярностью у читателей пользовалась серия книг о юной крольчихе, которая, как и я, умела находить потерянные вещи, но при этом жила куда более веселой и насыщенной жизнью. Я как раз недавно закончила очередную книжку из этой серии и сейчас работала над иллюстрациями к ней. В этой истории моя героиня, Зайчушка-Попрыгушка, осознала, что не хочет заниматься хип-хопом, как другие крольчата, и записалась в балетную студию. И когда я бралась за кисточку и начинала рисовать крольчонка в балетной пачке, все тревожные мысли миготом вылетали у меня из головы.

Некоторое время мы с Марло шагали молча, а потом я сказала:

– Мне вчера вечером звонили насчет старого дома на ферме. Сара Грейс Фултон им заинтересовалась.

Каждый раз, когда Марло делала шаг, из-под подола ее юбки выглядывал мысок открытых сандалий с накрашенными ярко-красным лаком ногтями.

– Что ж, может, из этого что-нибудь и выгорит, верно?

– Там видно будет. Я продиктовала ей код от замка. Она сегодня съездит туда и все осмолит.

Уже больше года я пыталась продать ферму, некогда принадлежавшую моей семье, но заинтересовавшихся ею можно было пересчитать по пальцам. За те десятилетия, что мои родные там прожили, дом сильно упал в цене, и, несмотря на то что я продавала его «без посредников», мне пока не поступило ни одного, даже самого паршивенького предложения. И, в общем, я понимала потенциальных покупателей. Мне и самой не хотелось там жить. Я уехала из этого дома шесть лет назад, как только смогла позволить себе собственное жилье.

В чащобе громко хрустнула ветка, и мы с Марло одновременно обернулись на звук. В сплетении зелени мелькнула какая-то тень.

– Олень? – спросила Марло, прищурившись.

– Не знаю.

Деревья притихли, будто тоже прислушивались. Но через пару минут в лесу уже снова защебетали птицы и загудели насекомые. Что бы там ни шуршало в кустах, теперь оно исчезло. И Марло вернулась к теме нашего разговора:

– У меня хорошее предчувствие, думаю, все сложится. Этому дому только и нужно, чтобы кто-то разглядел его потенциал.

Под монотонный стрекот цикад я сорвала еще один одуванчик и усмехнулась.

– А может, ему просто нужен бульдозер?

Темная кожа Марло блестела в рассеянном утреннем свете. Улыбнувшись, она легонько шлепнула меня.

– Всегда лучше починить вещь, чем сломать ее. Кость у этого дома крепкая. Как по мне, Сара Грейс – идеальный покупатель.

Кость крепкая, а прошлое грязное. Эту ферму мой отец Кобб выиграл в карты. Точнее говоря, *обжулил* в карты ее предыдущего хозяина, хотя доказать этого никто так и не смог – а пытались-то многие.

– Надеюсь. Немного денегат мне точно не помешает. – Я вскинула руку вверх. – И восхищая твои вопросы, нет, в агентство по усыновлению я пока не звонила.

Марло приподняла свою широкополую соломенную шляпу, пригладила угольно-серые, тронутые сединой волосы и прихлопнула зудящего у уха комара. А потом обернулась ко мне, осуждающе приподняв тонкие брови.

– Я была занята. Мне книгу сдавать через пару недель. Да еще и Перси приехала домой на летние каникулы...

Моя сестра две недели назад окончила первый курс Университета Северной Алабамы. Я являлась ее официальным опекуном вот уже два года – с тех пор как умерла Твайла (наша мать, всегда просившая нас обращаться к ней по имени). Хотя статус этот был чистейшей формальностью. Ведь с самого начала растила Перси именно я.

По законам Алабамы человек считается взрослым с девятнадцати, а это значило, что мне оставалось нести ответственность за Перси еще шесть месяцев. Однако я постоянно твердила ей, что если она захочет и дальше жить со мной, мой дом навсегда останется ее домом. Мы ведь были друг у друга одни на всем свете.

По крайней мере, пока.

Больше всего в жизни мне хотелось обзавестись собственной семьей, но для одинокой женщины с нестабильным доходом это была непростая задача. Целых три года я обращалась в государственные организации в попытках усыновить ребенка. Но в конце концов поняла, что частное агентство по усыновлению скорее поможет мне стать мамой. С тех пор я старалась накопить на вступительный взнос и экономила, ограничивая себя во всем. И вот наконец нужная сумма была собрана, а я все медлила, все тянула кота за хвост, не решаясь назначить личную консультацию.

– *Мхмм*, – хмыкнула Марло, поджав накрашенные темно-красной помадой губы.

Она слишком хорошо меня знала – а все потому, что я выросла практически у нее на руках. Им с Мо сейчас было крепко за семьдесят, и мы с Перси относились к ним как к бабушке с дедушкой, которых у нас никогда не было. Минуло уже восемнадцать лет с тех пор, как Твайла впервые отправила нас с Перси в детский книжный магазин Аллеманов, носивший название «Кроличья нора». И Марло с Мо, можно сказать, приняли нас в свою бездетную семью. Мне тогда было одиннадцать, а Перси только год.

Нам очень нужна была помощь.

И Аллеманы просто взяли и спасли нас.

С «Кроличьей норой» были связаны мои самые счастливые воспоминания. Окруженная яркими детскими книжками и добротой Марло и Мо, там я могла спрятаться от реальности, обрести свой безопасный рай. В магазине всегда царили тепло, любовь и счастье.

– Ладно-ладно, хорошо. – Я сморщила нос. – Я боюсь туда обращаться. Что, если никто из биологических родителей меня не выберет? Что, если они захотят женщину, у которой уйма друзей?..

Социальные работники из организаций, в которые я обращалась, настоятельно советовали мне, раз уж так вышло, что я не замужем, чаще выходить в люди, стать «одной из ниточек в плотной ткани общества». Однако от всех этих разговоров про «*вместе мы – сила*» мне делалось дурно. Стоило вспомнить школьные годы, когда никто не желал играть со мной на

переменках и сидеть рядом за обедом, у меня тяжелело в груди. Я не ходила на школьные дискотеки, не ночевала у подружек, не веселилась в дружной компании. Даже сейчас, кроме Марло, Мо и Перси, близких людей у меня не было. Будь у меня такая возможность, я бы давным-давно отсюда уехала. Поселиться в новом месте. Начать с чистого листа. Построить счастливое будущее. А прошлое похоронить здесь, в Баттонвуде. Зарыть глубоко-глубоко.

Но выбора не было. По крайней мере, пока. Тот самый ветер, что направлял меня к пропавшим вещам, одновременно удерживал меня здесь, запирали в Баттонвуде, словно маленькую птичку в большой красивой клетке. Я должна была найти то самое безымянное нечто – а пока мне позволялось лишь бродить по окрестностям, но ни в коем случае не покидать пределы моей нарядной тюрьмы.

– Если дашь страху власть над собой, он никогда не позволит тебе двигаться вперед, – принялась ласково увещевать меня Марло. – Не прячь свой внутренний свет, Блу Бишоп. Сияй ярко. Я даже не сомневаюсь: если ты позволишь людям узнать тебя, они полюбят тебя так же, как я. Откройся, *будь собой* – только так ты обретишь то, о чем мечтаешь больше всего на свете.

Не прячь свой внутренний свет. Это была одна из любимых присказок Марло. Сколько же раз за прошедшие годы я слышала эти слова в магазине, вместе со «спасибо», «приходите еще» и «туалет направо по коридору».

Я старалась сиять ярко, правда старалась, но на словах это было легко, а вот на деле – трудно. Марло не знала, каково это – носить фамилию Бишоп. Знать, что ты нарисована тем же небрежным мазком кисти, что и остальные члены твоей семьи. Понимать, что соседи неустанно следят за каждым твоим шагом. Мой внутренний свет давно померк во тьме неверных решений моих близких.

– И не вздумай говорить, что на словах это легко, а на деле трудно, – тем временем продолжала Марло. – Перси уже доказала, что это не оправдание. Никого в городе не волнует то, что ты Бишоп, все давно об этом забыли. А вот *тебя саму* это волнует, ты цепляешься за эту отговорку и сама себя отправляешь в изгнание, бедная моя застенчивая крошка.

Я пнула ногой камень. Мы с Марло уже миллион раз это обсуждали. А может, и больше.

– Положим, раньше тебе нарушать затворничество было незачем. Но теперь-то у тебя есть причина. Да еще какая: материнство. К тому же, – добавила Марло, – ты ведь не хочешь навлечь на себя проклятие?

Я скинула голову и поглядела в сторону Платана. С того участка тропы, где мы проходили, была видна лишь верхушка его раскидистой кроны. Если верить местной легенде, Пуговичное дерево появилось на этом месте больше ста пятидесяти лет назад. А случилось это так. Неподалеку отсюда жила женщина по имени Дельфина. Как-то в ненастный день она стала упрашивать своих мужа и сына не ходить на охоту. Но те не послушались и все равно отправились в лес. Налетела буря, мужчины попытались укрыться от стихии под деревом, но в ствол ударила молния, и оба погибли на месте.

Убитая горем женщина стала приходить в лес и часами сидеть на месте гибели своих любимых. И однажды она обратилась в платан – или пуговичное дерево, как его у нас называли за то, что в старину из его древесины делали пуговицы. Платан, вскормленный разбитым сердцем несчастной женщины, вырос огромным. А ее решимость уберечь от беды других была так сильна, что обернулась вороной. Поговаривали, что порой она в виде едва различимого глазом сияющего создания является людям, идущим к Платану за советом, и указывает им путь. Многим из нас пуговицы нашего волшебного дерева подсказали правильное решение. Но тем, кто не послушался совета Платана... пришлось дорого за это заплатить.

Не знаю, пером ли писал Платан на пуговицах свои наставления, но топором их было уж точно не вырубить. Обращаться к Пуговичному дереву за напутствием можно было лишь в том случае, если ты готов последовать его совету. Те же, кто им пренебрегали, навлекали на

себя жестокое проклятие. За то, что не прислушались к мудрости дерева, они обречены были не знать счастья до конца своих дней.

Несколько месяцев назад, измученная тем, что мне никак не удавалось усыновить ребенка, я и сама ходила к Платану за советом. Хотела узнать, права ли я, что не оставляю попыток, хоть каждая из них и грозит новым разочарованием. И именно ответ Пуговичного дерева дал мне силы позвонить в частное агентство. На пуговице, которую я получила, было написано:

Любовь стоит риска. Любовь – это жизнь.

Я сглотнула комок в горле. Марло была права: я боялась, что, оставив попытки осуществить свою мечту, навлеку на себя проклятие. Но в первую очередь мной двигало страстное желание стать мамой, обрести семью, впустить в дом счастье, вырастить ребенка достойным человеком.

– Ладно, как только вернемся, сразу же позвоню в агентство.

– И снова начнешь ходить в «Аромат магнолий»? Кстати, о тебе недавно Мэри Элайза спрашивала.

«Ароматом магнолий» назывался дом престарелых и реабилитационный центр, где Марло занималась волонтерством по понедельникам. Пару раз она и меня брала с собой, но вскоре я поняла, что мне там не будет покоя – слишком уж близко к городу располагалось это заведение. Некоторые пациенты меня узнали и тут же принялись судачить о нашей семье. Больше всего их занимало ограбление банка, в результате которого сгорело несколько сотен тысяч долларов и погибли два моих брата. Обсуждать эту тему мне совершенно не хотелось.

– И что ей нужно? Снова языком почесать?

В прошлый раз, когда я приходила в «Аромат магнолий», меня буквально вынесло из палаты Мэри Элайзы потоком ее проклятий. Марло и медсестры пытались убедить меня, что она не в себе, якобы после подкосившего ее в прошлом году сердечного приступа у нее от недостатка кислорода помутилось в голове. Но я-то знала правду. Она никогда не жаловала ни меня, ни моих близких. Обзывала нас варварами и другими милыми прозвищами. Несмотря на то что замужем Мэри Элайза была за проповедником, человека, более склонного судить других, мне в жизни встречать не доводилось. Даже странно, что ее сын Шеп, наш местный полицейский, вырос славным парнем.

– Может, она хочет извиниться за свое поведение.

Я сморщила нос.

– Спасибо, конечно, но я, пожалуй, откажусь. Не хочу снова довести ее до белого каления. Не забывай, что у нее слабое сердце.

Марло скрестила руки на груди.

– Ниточки, Блу, родная моя. Ниточки.

И мне моментально представилось, как агентство отказывает мне в усыновлении ребенка из-за того, что я жалкая одиночка. Я набрала в грудь побольше воздуха. И прошипела сквозь зубы:

– Ладно, приду.

Марло подхватила меня под руку и отозвалась:

– А радости-то сколько! Пациенты купаться будут в твоей любви.

Я растянула губы в фальшивой улыбке.

– *Просто не терпится* поскорее попасть в «Аромат магнолий»!

Она рассмеялась, и страхи мои при звуках этого искреннего смеха слегка побледнели, а на душе стало легче.

– Тогда в четверг, в шесть. И знаешь, милая, даже если ты будешь действовать по принципу «стерпится – слюбится», меня это устроит.

– В четверг? Не сегодня? – уточнила я, совершенно не расстроенная задержкой. Мне просто стало любопытно: ведь после того как Мо поставили диагноз, Марло стала придерживаться четкого расписания. В «Магнолии» она ходила по понедельникам. И никак иначе.

– У меня сегодня вечером встреча назначена, так что пришлось попросить, чтоб мою смену перенесли.

Я взглянула на нее искоса.

– Еще одна загадочная встреча? Это уже третья за месяц.

– Вовсе не загадочная.

– Правда? И с кем же ты встречаешься?

– Кое с кем.

– Чтобы обсудить?..

– Кое-что.

– Ах вот как. Ну теперь-то все яснее ясного.

Стоило нам приблизиться к окружавшей Пуговичное дерево поляне, как налетел ветер, и меня снова захлестнуло предчувствием беды. Я замерла. И, внезапно занервничав, спросила:

– Погоди-ка. Ведь эти неприятности, которые я в воздухе ощущаю, *к тебе не имеют* никакого отношения, правда?

– Ко мне? – Марло невинно вытаращила глаза и прижала руки к груди таким театральным жестом, словно читала дошколятам *«Там, где живут чудовища»*¹. – Как тебе такое в голову взбрело?

Я резко остановилась и пристально взглянула на нее.

– Во-первых, из-за твоего напускного возмущения. А во-вторых, потому что побыть утром с Мо ты считаешь своей священной обязанностью. И все же сегодня ты тут, со мной.

По утрам Мо чувствовал себя лучше всего. Ночами же он совсем сбивался с пути, и деменция заводила его в дебри, ведомые ему одному.

Но ответить Марло не успела, потому что прямо над нами вдруг раздалось пронзительное карканье. Над верхушками деревьев, глянцевито поблескивая перьями, парила ворона.

– Тебе что, нужна пуговица? – спросила Марло, не сводя с птицы глаз.

– Мне нет. Ведь я недавно к Платану уже обращалась. Может, тебе? – Легенда Пуговичного дерева гласила, что задавать можно не больше одного вопроса в год. И это было понятно. Иначе народ постоянно таскался бы к Платану с любыми мелкими проблемами.

– Нет, – ответила Марло. – Все важные решения я в своей жизни уже приняла. Странно, чего это она раскаркалась? Ведь обычно ворона появляется, только чтобы проводить к дереву человека, которому нужен совет. Что ж, давай поглядим.

Марло направилась к дуплу, в котором, после того как задашь дереву вопрос, появлялась плоская гладкая пуговица с ответом. Она заглянула в расщелину, созданную самой природой внутри пятнистого ствола, ее обрамляла местами гладкая, а местами шершавая кора. По итогам осмотра Марло объявила:

– Пусто. – А затем наклонилась к зиявшей у подножия дерева большой кроличьей норе.

За всю жизнь мне ни разу не доводилось видеть, чтобы из нее выскочил кролик. Но надежды я не теряла и заглядывала в нору всякий раз, как оказывалась у дерева. Разросшиеся узловатые корни Платана так сплелись, разворотив землю, что невозможно было понять, где кончается один из них и начинается другой. Внимательно глядя под ноги, чтобы не споткнуться, я подошла к Марло.

¹ «Там, где живут чудовища» – детская книжка с картинками американского писателя и художника Мориса Сендака. Вышла в 1963 году в издательстве «Harper & Row», вскоре став классикой современной детской литературы США (*здесь и далее – прим. пер.*).

– Давай же, расскажи, что происходит. Ты уже несколько недель ведешь себя странно. На тайные встречи бегаешь и все такое. Это касается Мо? – От одной мысли об этом сердце едва не выпрыгнуло у меня из груди. – Все хуже, чем мы думали?

Марло сжала рукой мое плечо, успокаивая меня. Внушая надежду.

– Хватит панику разводить. У Мо все по-прежнему, не лучше, но и не хуже.

От ее прикосновения моя тревога мгновенно улеглась.

– Что же тогда?

Глубоко вздохнув, она взглянула на ствол Платана и призналась:

– Дело в магазине.

– В «Кроличьей норе»? А что с ним?

Название магазин получил в честь норы, возле которой мы сейчас стояли, и Марло частенько называла своих самых маленьких покупателей «мои крольчата».

– Грядут кое-какие перемены. С завтрашнего дня мне особенно понадобится твоя помощь.

Несмотря на то что дохода от книг на жизнь хватало, я по-прежнему иногда подрабатывала в магазине, приходила туда как минимум раз в неделю. Частично потому, что Марло нужна была помощь, особенно теперь, когда Мо больше не мог стоять за прилавком. Частично чтобы побыть среди детей, которых совершенно не волновало то, что я Бишоп. Но главным образом потому, что там я всегда была счастлива, терзавшие меня горести в магазине мгновенно улетучивались.

– Конечно. Ты же знаешь, что можешь на меня рассчитывать. Но о каких переменах ты говоришь?

– Мо придется всю неделю по утрам водить к врачам, так что я попрошу тебя показать там все одному новичку, – ответила Марло. – Ведь ты единственная, кроме меня, знаешь магазин как свои пять пальцев.

– Ты наняла нового сотрудника? О, Марло, я так рада. Как здорово будет, если ты сможешь теперь поменьше работать. А то ты совсем с ног сбилась с Мо, магазином и подготовкой к фестивалю...

Баттонвудский фестиваль был в городе главным событием года. Парад, карнавал, кулинарный конкурс, контактный зоопарк, киоски с едой, сувениры и мастер-классы. А в павильоне «Кроличьей норы» деткам всегда читали вслух книжки, дарили фигурки из воздушных шариков, предлагали нанести аквагрим и угощали вкусностями.

Марло взяла меня за руку, крепко сжала ее и на одном дыхании выпалила:

– Никого я не нанимала. – Расправив плечи, она уставилась на меня сияющим решительным взглядом и продолжила: – Блу, детка, я продала магазин. Сегодня вечером отдаю ключи. У «Кроличьей норы» теперь будет новый хозяин.

Ее слова закружились у меня в мозгу, сливаясь в монотонный гул. Должно быть, я что-то не так расслышала. Я поскорее тряхнула головой, чтобы эти разрозненные звуки сложились в нечто осмысленное.

Марло сжала мои пальцы.

– Блу, ты должна понять. Мне уж давно пора было на покой, и Мо я теперь нужна круглые сутки. Я постараюсь, чтобы все прошло гладко. И сама еще какое-то время поработаю, месяц уж точно. Просто неделька впереди тяжелая, фестиваль скоро. В общем, пришлось нового владельца даже не на раскаленную сковородку сразу бросить, а прямиком в пламя.

– Я... я... – На глаза навернулись слезы, и я заморгала, чтобы их отогнать. Я слышала, что сказала Марло, понимала, что это правда, но от такого неожиданного удара у меня перехватило дыхание. Я дернулась, уронила жестяное ведро, и головки одуванчиков весело запрыгали по разветвленным корням.

– Я не хотела говорить тебе заранее, – продолжила Марло, – потому что знала, что ты устроишь переполох. Учудишь что-нибудь, попытаешься сама выкупить у меня магазин.

Я кивнула.

– Но, Блу, ведь книжный был моей заветной мечтой, а не твоей. Для тебя он стал бы обузой. И нечего трясти головой. Сама знаешь, что я права. Ты всегда хотела уехать из Баттонвуда, скажешь, нет? К тому же ты деньги копила для более важной цели – для того чтобы осуществить свою мечту, завести собственную семью, стать мамой.

– Кому? – через силу выдавила я. – Кому ты его продала?

На ее губах заиграла улыбка.

– Он учитель начальных классов. Один...

Она резко осеклась, потому что где-то поблизости от нас вдруг раздался громкий плач. Я вскинула голову, прислушиваясь. Звук был очень знакомый. И совершенно неожиданный тут, в лесу.

Марло огляделась, пробормотав:

– Это уже не похоже на карканье.

Нет, этот звук точно издавала не ворона... Это плакал *ребенок*.

Должно быть, мой мозг вздумал сыграть со мной шутку. Или не мозг, а сердце. В любом случае мне эти шалости совсем не нравились.

Беда праздновала победу, я же тревожно оглядывалась по сторонам. И через мгновение заметила ее. Заморгала, уверенная, что глаза меня обманывают, но тут она открыла крошечный ротик и снова заревела. И я бросилась туда, к маленькой плетеной корзинке, стоявшей на поросшей маргаритками полянке чуть южнее Платана. Упала на колени. Откинула прикрывавшую колыбель сетку и достала завернутого в розовое одеяльце младенца.

Малышке было не больше пары дней от роду. Крошечная, сморщенная, она была похожа на мудрую сердитую старушку. Только очень тепленькую и мягенькую старушку, одетую в простой белый костюмчик. Голову ее украшала завязанная бантиком розовая ленточка с изящным зубчатым краем, из-под которой торчал светлый пушок. Вес у нее был примерно таким, как у большого пакета с мукой, – наверное, что-то около пяти фунтов. Дрожащими руками я прижала ее к груди, и она тут же успокоилась и закрыла глазки.

– Боже праведный, что же это такое делается? – охнула Марло, остановившись у меня за спиной.

Крепко держа девочку, я поднялась на ноги. В корзинке не было ни записки, ни чего-то другого, способного пролить свет на случившееся. Вглядевшись в лесную чащу, я выкрикнула:

– Эй?

Ведь нельзя же было предположить, что малышку бросили тут одну-одинешеньку. Может, это какой-то бессердечный розыгрыш? Чья-нибудь злая шутка?

Вдалеке снова хрустнула ветка, что-то мелькнуло между стволами и исчезло. Как будто кто-то поджидал нас, убедился, что мы выбрали ребенка, и тут же кинулся прочь.

– Блу, смотри-ка, – позвала Марло, опустившись на землю.

Кровь так грохотала в ушах, что я едва ее слышала.

– Должно быть, выпало из одеяла, когда ты ее подняла. – Она протянула мне раскрытую ладонь. И я увидела тоненькую платановую пуговицу размером с монетку в пятьдесят центов. На светлом дереве причудливым шрифтом было выведено:

ОТДАЙ РЕБЕНКА БЛУ БИШОП.

Я посмотрела на малышку, на ее темные ресницы, розовые щечки и крошечный острый подбородок.

Может, этот маленький розовый комочек и сулил мне беду.

Но я знала, что черта с два выпущу его из рук.

2

Сара Грейс

– Я этот дом наизнанку выверну. Замену проводку, сантехнику. – Я взглянула на неплотно сидящую в оконном проеме раму. В щели лезли солнечные лучи, высвечивая темные пятна на оранжевой обивке старого дивана. – Сайдинг.

– Да тут все менять надо, – подытожил отец, оглядевшись по сторонам.

Дом построили в 1920 году. Каркас у него был крепкий, но зданием давно никто не занимался, и оно сильно обветшало. Провоняло застарелым табачным дымом, плесенью, но резче всего здесь чувствовался запах влажной глины. Будто бы сама земля хотела поглотить постройку и сделать вид, что ее никогда не существовало.

– Видала я и похуже.

Папа медленно усмехнулся.

– Это уж точно.

В дальнем углу, за буфетом, растерявшим все свои ящики, что-то шуршало, и мне оставалось только гадать, что за живность населяет эти стены.

– Придется попотеть, конечно, но я просто не могу его бросить. Такое чувство, словно... я нужна этому дому. Безумие какое-то, да?

Мой папа, Джайсон Ландрено, уже больше десяти лет занимал должность мэра Баттонвуда, и в наших краях не было никого дипломатичнее. Но все же я верила, что он ответит мне честно.

– Я-то так не думаю, моя маленькая заклинательница домов, – в его голубых газах сверкнула озорная искорка, – но любой другой решит, что у тебя крыша поехала.

Я рассмеялась.

– Страсть к недвижимости я унаследовала от тебя. Так же, как и безумную честность.

Взгляд отца потеплел.

– Что сказать, от судьбы не уйдешь.

До того как стать мэром, папа владел крупнейшим агентством недвижимости в округе и часто брал меня с собой посмотреть заинтересовавшие его объекты. И то, что сегодня именно я попросила его съездить со мной и помочь осмотреть здание, ощущалось немного странно. Я доверяла его опыту и была очень благодарна, что он, несмотря на занятость, смог уделить мне время.

Он прошелся по комнате и провел пальцем по трещине в стене.

– Этот дом, Сара Грейс, станет для тебя настоящим испытанием. И не только по очевидным причинам. Возможно, ты слишком много на себя взваливаешь.

Удивившись, что голос его внезапно зазвучал так озабоченно, я обернулась и обнаружила, что папа, как я это называла, «сделал строгое лицо». Свел широкие брови над переносицей, прищурил голубые глаза. Уголки его рта опустились, щеки ввалились, а подбородок выдвинулся вперед. Пальцами он взъерошил свои короткие каштановые с сединой волосы так, что они встопорщились на макушке острыми пиками, – верный признак того, что что-то грызло его изнутри.

– Ты ведь не пытаешься отговорить меня сделать предложение о покупке, верно?

Отец виртуозно умел меня переубеждать и удерживать от опрометчивых решений, но этот дом мне уж очень хотелось заполучить.

– По правде говоря, Сара Грейс, тебе этот дом нужен больше, чем ты ему. Пока будешь с ним возиться, многому научишься. И эти уроки тебе в жизни пригодятся. Но в то же время он может оказаться ящиком Пандоры, и ты еще десять раз пожалеешь, что решила его открыть. Уверена, что готова рискнуть?

– Готова, – ответила я. – Ни разу еще не встречала дом, который нельзя было бы восстановить. Этому мне хотелось бы вернуть его первоначальный облик, увидеть, как он выглядел до того, как...

До того как в семидесятые Кобб Бишоп практически выкрал его у семьи моей матери. Дедуля Кэбот до самой смерти поносил Бишопов последними словами. И моя мать унаследовала семейную ненависть к Бишопам вместе с кружевными скатертями бабули Кэбот и столовым серебром двоюродной бабушки Мим.

Я, в отличие от мамы, не испытывала неприязни к Бишопам, однако мечтала наконец исправить несправедливость, которая произошла задолго до моего рождения. Меня всегда тянуло к этому дому, наверное, потому что однажды меня обманом его лишили. Настало время вернуть его семье Кэботов, пусть даже и ненадолго.

Моя компания, носившая название «Милый дом», занималась тем, что находила, скупала и ремонтировала местные развалюхи, а потом за весьма умеренную цену сдавала их в аренду малоимущим семьям. Гордым, работающим людям, которые не желали принимать подачки. На сегодняшний день у меня в активе было четырнадцать домов. Я очень гордилась тем, что делаю, и осознание того, скольким семьям я помогла, наполняло меня удовлетворением, которого я не получала от других областей своей жизни.

– Вот увидишь, какой это будет красавец, когда я с ним закончу, – наконец объявила я, обводя взглядом потертую мебель, пятнистые занавески и ветхие шкафы.

Отец наградил меня долгим взглядом.

– Ладно. Когда планируешь отправить предложение о покупке?

– Чем скорее, тем лучше.

Конечно, я не нуждалась в его одобрении, чтобы определить цену за дом, и все же мне важно было знать, что он меня поддерживает. Тем более что я не сомневалась: как только новости дойдут до матери, папина поддержка станет мне совершенно необходима. Идея купить этот дом ей точно не понравится. Мне твердили, чтобы я не вздумала к нему приближаться, с тех пор как я научилась разбирать человеческую речь.

В последние два года – с тех пор как умерла Твайла Бишоп – в доме никто не жил, что ясно чувствовалось по тоскливой атмосфере, окутывавшей его от треснувшего фундамента до затянутых паутиной потолочных балок. Но я была решительно настроена изменить эту атмосферу вместе с планировкой комнат. Выгнать из дома тоску и впустить в него счастье. Правда, сказать это было легко, а вот сделать – трудно. Мне всегда казалось, что старые дома впитывают в себя эмоции предыдущих владельцев. Разломанные балясины и камин, хмуро взиравший на меня из-под напоминавшей сурово сдвинутые брови покосившейся полки, определенно повидали много горестей и бед.

Вот почему мне хотелось вывернуть дом наизнанку. Починить что-то можно, только если ты точно знаешь, где поломано. Я ласково похлопала лестничные перила, мысленно пообещав, что восстанавливаю их, сколько бы времени и денег у меня на это ни ушло.

Вдруг со второго этажа донесся какой-то звук, и мы с папой одновременно вскинули головы. Слишком громко для мыши. Может, белка? Только бы не енот! Этих маленьких дьяволов выселить бывает просто невозможно. Однако вскоре все стихло, и папа заметил:

– Дом не слишком изменился с тех пор, как я был тут в последний раз. Постарел, конечно, много новых трещин появилось, но обои те же самые. И диван. И запах табака. Отец Мака, Кобб, дымил как паровоз. Столько воспоминаний сразу нахлынуло.

– И наверняка не все из них приятные, – догадалась я. И, прислонившись к дверному косяку, спросила: – А когда ты был тут в последний раз?

– Лет тридцать назад, около того. Вскоре после похорон Мака.

Мака Бишоп я знала только по красочным историям своего отца. Он любил рассказывать о передрягах, в которые они попадали в юности, правда, мама обычно не желала слушать эти истории. В старших классах они были лучшими друзьями, но после школы Мак ушел в армию и вскоре погиб во время какой-то потасовки в баре. Однако то была не единственная потеря, которую этому дому довелось пережить. Из семерых Бишопов сейчас в живых остались только Блу и Перси. В общем, ничего удивительного в том, что дом буквально почернел от горя, не было.

В кармане пискнул мобильный. Пришло сообщение от моей двадцатилетней кузины Кибби Гастингс, которая сейчас работала у меня на полставки ассистенткой. Она училась в колледже, в Баттонвуд приехала на летние каникулы и за какие-то две недели умудрилась навести у меня в офисе идеальный порядок.

ОСТОРОЖНО, НА ВАС НАДВИГАЕТСЯ УРАГАН ДЖИННИ. ОНА НА ВЗВОДЕ.

– Плохие новости? – взглянув на меня, догадался папа.

– Мама сюда едет.

– Сюда? – Отец вытянулся по стойке смирно.

– Похоже на то. – Я показала ему сообщение.

Он запустил пальцы в волосы, и через каких-то пару мгновений они снова стояли дыбом. Мама была единственным в мире человеком, которого папа побаивался.

– Зачем? – спросил он.

Раз мама решила сюда приехать, значит, случилось что-то серьезное. Ферма Бишопов входила в список мест, куда она не заглядывала ни при каких обстоятельствах.

Грудную клетку прошила паника. А что, если она узнала?..

Нет. Не может быть.

Случись такое, Джинни Кэбот вспыхнула бы как спичка и в секунду сгорела дотла, оставив после себя лишь глубокое разочарование во мне, которое должно было бы стать мне вечным укором.

Я подошла к окну. Мой старенький белый «Форд-пикап», украшенный наклейкой штата Алабама, логотипом агентства «Милый дом» и адресом его веб-сайта, одиноко стоял на подъездной дорожке, но не прошло и минуты, как рядом с ним, задев выщербленный бордюрный камень, остановился мамин внедорожник «БМВ».

– Она здесь. – Я подтолкнула отца к лестнице. – Лучше спрячься. Не стоит маме знать, что ты как-то во всем этом замешан. По крайней мере, пока. Постараемся оттянуть скандал.

Нам не впервой было держать что-то в секрете от мамы. Когда я была маленькой, мы с отцом частенько скрывали, что играли в футбол, прыгали по лужам, ходили в казино и там он учил меня резаться в кости. Как-то на рыбалке я поранила палец, когда пыталась под папиным руководством почистить рыбу, и нам пришлось сочинить для мамы целую историю. Она до сих пор полагала, что я порезалась, готовя песочное печенье с клубникой.

Сначала папа вроде как хотел мне возразить, но затем закивал:

– Ладно. Меньше знает, крепче спит.

Он заспешил вверх по лестнице, я же нахмурилась. Почти всю жизнь я руководствовалась этим принципом – не только по отношению к матери, но и к отцу тоже. И это было правдой – чем меньше они знали, тем крепче спали.

Плохо спала в нашей семье только я.

За окном хлопнула дверца машины, и я поскорее вышла из дома, чтобы перехватить маму у крыльца. Я плотно прикрыла дверь, и кодовый замок защелкнулся у меня за спиной. Последнее, что мне было нужно – чтобы мама заявила в дом с инспекцией и всем своим видом демонстрировала свое неодобрение. Она так и не смирилась с тем, какую профессию я выбрала, и теперь, по прошествии пяти лет, я уже сомневалась, что она вообще когда-нибудь с этим смирится.

Мама являла собой воплощенное совершенство. Во внешности, в поведении – *во всем*. И то, что я занимаюсь восстановлением ветхих домов, ее не устраивало. Ей пришлось бы по душе, если бы я стала чиновником, адвокатом, заняла какой-нибудь важный пост. В общем, выбрала для себя такое поприще, на котором не пришлось бы едва ли не каждый день пачкать руки.

Я вышла на покосившееся крыльцо и сразу же поняла – зря я опасалась, что мама захочет зайти внутрь. Она стояла возле своего внедорожника как приклеенная, словно боялась, что дом надышит на нее и заразит своей тоской. И, в целом, у меня складывалось ощущение, что эти опасения были не так уж беспочвенны.

На пассажирской двери маминого «БМВ» красовалась большая наклейка: «МЭРА БАТ-ТОНВУДА ДЖАДСОНА ЛАНДРЕНО – В ГУБЕРНАТОРЫ!» И пока я спускалась по разбитым ступеням, уворачиваясь от тянувшихся ко мне побегов разросшегося дикого плюща, в груди толкнулась привычная паника. Первый тур выборов должен был состояться в следующем месяце. Если отец пройдет его, в ноябре он будет баллотироваться на пост губернатора.

От мысли о том, что в следующие четыре года мою личную жизнь под микроскопом будут изучать средства массовой информации, меня бросало в холодный пот. Но все мои тайны были давно похоронены, и у меня не было причин опасаться, что кто-то вытащит их на свет божий. Этим я себя и успокаивала, чтобы окончательно не лишиться рассудка.

Привалившись к машине, мама рассматривала дом. За всю жизнь мне лишь несколько раз доводилось видеть ее не при полном параде. Вот и сейчас из прически ее не выбился ни один светлый волосок, на накрашенных губах не темнело ни одной трещинки, на платье с цветочным узором не было видно ни одной морщинки. Кожаные туфли с каблучками в два с половиной дюйма блистали чистотой. Мамин рост составлял пять футов три дюйма, но в этой обуви она стояла со мной вровень.

– Ты в порядке? – спросила я, неожиданно разволновавшись. Мама, как обычно, выглядела на все сто, но от меня не укрылось, что из нее буквально дух вышибло. Казалось, она просто не в состоянии вдохнуть полной грудью.

Мама вздернула острый подбородок, будто бы только сейчас заметив, что я стою перед ней, перевела взгляд на меня, и в ее прекрасных голубых глазах заплясали солнечные искорки. В этом году ей исполнилось сорок семь, но от нее по-прежнему исходило сияние юности. Нам часто говорили, что мы с ней больше похожи на сестер, чем на маму и дочку. И это было правдой. Она вышла за папу в девятнадцать, а меня родила незадолго до своего двадцатилетия. Больше детей у них не было. Правда, с нами вот уже десять лет жила Кибби – с тех самых пор, как ее родители погибли в авиакатастрофе.

– Что? О, у меня все прекрасно, Сара Грейс. Просто прекрасно. – Для большей убедительности мама изобразила широкую улыбку. – Но мне хотелось бы знать, что ты делаешь *в этом* доме? Разве я не просила тебя тысячу раз держаться от него подальше? Я чуть не умерла, когда Кибби проговорила, что ты поехала сюда. Не вздумай сказать, что ты купила ферму Бишопов.

Приготовившись к неминуемой буре, я ответила:

– Пока нет, но собираюсь.

Уголки ее губ неодобрительно дрогнули.

– Это из-за твоего дедушки? Если так, выбрось эту идею из головы. Этот дом слишком долго принадлежал Бишопам. Он *запятнан*. – Ее глаза гневно сверкнули, а голос зазвучал угрожающе. – Ты не должна здесь находиться. Ты же знаешь, как я отношусь к Бишопам.

Да, я знала это. Именно потому так долго не решалась подступить к нему. Но в конце концов устала ждать.

– Я уверена, что *на дом* твое мнение о Бишопах распространяться не может. К тому же они уже больше двух лет тут не живут.

Мама вскинула светлую бровь.

– Не может? У Бишопов ужасная репутация. Нельзя допустить, чтобы тебя ассоциировали с этой семьей.

– Бога ради, мама! Ты ведешь себя так, будто они серийные убийцы-каннибалы.

Мимо медленно проехала полицейская машина, и у меня сбилось дыхание, однако вскоре я рассмотрела, что за рулем сидит не Шеп Уиллер, а шеф полиции. Автомобиль двинулся дальше, и я расслабилась. Шеп вернулся в город семь месяцев назад, когда заболела его мать Мэри Элайза. До сих пор мне удавалось его избегать, но я не знала, как долго продлится мое везение. Вот бы вечно! Боже, *смилуйся* надо мной.

Мама, не замечая моего смущения, наставила на меня палец.

– Ты еще не настолько взрослая, чтобы я не могла тебя отшлепать, юная леди! Не упоминай имя Господа всуе.

Как же отчаянно эта миниатюрная женщина умела блефовать. За всю жизнь она наказывала меня всего несколько раз и уж точно никогда и пальцем не тронула, зато, сколько я себя помнила, по десять раз в год грозилась отшлепать.

Я, мягко говоря, частенько испытывала ее терпение.

– Я не всуе, – возразила я. – Это от удивления.

– Твое упрямство однажды сведет меня в могилу.

– Это я уже слышала.

Примерно миллион раз.

Она закатила глаза.

– Ты не хуже меня знаешь, что Бишопов так и тянет к криминалу. А ты, Сара Грейс, в этом городе ролевая модель. Будь умницей. Подавай хороший пример.

Сколько раз она говорила мне это в детстве, и не сосчитать. *Ты Ландрено, Сара Грейс. Ты должна быть на высоте. Все равняются на тебя. Будь умницей. Подавай хороший пример.* Я слышала это каждый раз, когда забиралась на дерево. Или бегала босиком. Или ловила раков в ручье. Слышала, когда собиралась выкрасить волосы в фиолетовый. Или надеть брюки в церковь. Когда вместо команды чирлидинга записалась в сборную по бегу. Когда пошла учиться менеджменту в строительной отрасли. Когда начала готовиться к марафону – частично для того, чтобы прийти в форму но, в основном потому, что мне постоянно хотелось убежать.

Далеко-далеко.

Давить на чувство вины было маминым любимым оружием, и управлялась она с ним так же блестяще, как средневековый рыцарь со своим верным мечом.

– Не все Бишопы. Блу и Перси не преступницы.

Чего, правда, нельзя было сказать о других членах их семьи.

– Если память мне не изменяет, у Блу были неприятности с полицией, когда она устроила пожар в школе. А Перси однажды тоже вляпается, помани мое слово. Бишопы не могут не угодить в беду. Это у них в крови, – заявила мама, и голос у нее был такой печальный, будто бы дом и правда успел заразить ее своей тоской.

В груди у меня заболело – это рвались наружу накрепко закупоренные внутри секреты.

– Все обвинения с Блу были сняты, не забыла? И больше у нее никаких, даже самых мелких, столкновений с законом не было.

Блу теперь стала известной детской писательницей и иллюстратором. А Перси училась на отлично, заработала стипендию в колледже и была такой правильной и честной, что, уверена, за всю жизнь и улицы на красный свет не перешла. Иногда я вообще забывала, что Перси носит фамилию Бишоп.

Мама покачала головой.

– Не покупай этот дом. *Пожалуйста.*

Налетел ветер, и дом задрожал под его порывом. Застонал карнизам, заскрипел козырьком над крыльцом, убеждая меня развернуться и идти прочь. Заверяя, что ему к такому не привыкать – люди часто от него отворачивались.

Давненько мне не приходилось отказывать маме, но я велела себе не сдаваться и быть сильной.

Перейдя на вкрадчивый шепот, она продолжила:

– Подумай об отце, Сара Грейс. Он так трудился над своей предвыборной кампанией – не хватало, чтобы сейчас вдруг всплыли какие-то наши связи с семейством Бишоп. Откажись от этого дома и купи другой.

Это было нечестно с ее стороны – втягивать отца в наши разногласия. Мама знала, что тут у меня слабое место. Зато я знала, что папа сейчас прячется на втором этаже и что он поддерживает мое решение. И это дало мне силы отразить атаку.

Я уперлась пятками в землю, твердо намеренная стоять на своем. И молча выдержала мамин взгляд, мысленно умоляя ее понять меня. Я уже столько пожертвовала ради родителей – в особенности ради карьеры отца. Пускай они об этом и не знали. Но от этого дома я отказаться не могла. Я была нужна ему.

– Мам, ты знаешь, что я тебя люблю и сделаю для тебя почти все, но тут я не отступлю. И с твоей стороны нечестно меня об этом просить. Мне лично наплевать, пускай тут хоть сам дьявол жил. Сейчас дом пуст, а где-то есть семья, которой он нужен. И я твердо намерена поселить их тут. – Я поморщилась от того, как резко прозвучали мои слова, в голосе явственно звенела боль старых обид. Шагнув к маме, я поцеловала ее в щеку. – Спасибо, что заехала. А сейчас, если ты не против, мне нужно продолжить осмотр. – Я развернулась и направилась к входной двери.

Дом мигом расслабился и вздохнул с надеждой.

Но тут мама схватила меня за руку.

– Пожалуйста, постой минутку, Сара Грейс. Одно слово. Ты же знаешь, я хочу как лучше. Даже если мы с тобой по-разному понимаем это «лучше». Я всего лишь пытаюсь тебя защитить.

Да, я это знала. У мамы и правда было доброе сердце, и она любила меня без памяти, но при этом всегда и во всем стремилась быть идеальной. Идеальный дом, идеальный муж, идеальный ребенок. Я же была так далека от идеала, что и говорить об этом смешно. И как бы я ни старалась притворяться, со временем все сложнее становилось балансировать между тем, какой она желала меня видеть, и тем, какой я была на самом деле.

– К тому же, – добавила она, – я еще даже не успела тебе рассказать, зачем приехала. У меня интересные новости. Возможно, даже хорошие. И, как ни странно, они касаются Блу Бишоп.

– О? – теперь, когда она упомянула Блу, я стала слушать очень внимательно. – Это как?

Мама быстро пересказала мне волнующую историю о том, как Блу сегодня утром нашла неподалеку от Пуговичного дерева младенца. Все это звучало совершенно невероятно, даже не верилось, что такое возможно.

– И чей это ребенок?

Мама, просияв, отозвалась:

– Никто не знает. Полиция начала расследование.

Я не могла понять, почему маму так воодушевили эти новости. Брошенный младенец – дело серьезное. К счастью, в больнице, где девочку осматривали, постановили, что она прямо-таки пышет здоровьем. И мне казалось, что это единственный позитивный момент в этой истории, но, судя по маминому довольному лицу, она считала иначе.

– И где сейчас малышка?

– Поэтому я и приехала. Как выяснилось, у Блу уже был готов пакет документов на усыновление, поэтому судья Квимби позволил ей оформить временное опеку. Однако в городе поговаривают, что она хочет удочерить эту девочку. Я, как только об этом услышала, сразу полетела к тебе.

– Но почему? Я-то тут при чем?

– Как ты не понимаешь, Сара Грейс? Это же *временная* опека. Вам с Флетчем нужно пока подготовить свои бумаги. Документы *для усыновления*. И чем быстрее, тем лучше.

– *Что?*

– Знаю, знаю; тут есть над чем подумать. Но послушай. Вы с Флетчем уже давно пытаетесь зачать ребенка. И может, эта очаровательная малышка – ответ на ваши молитвы?

Наши с Флетчером Фултоном отношения были куда сложнее, чем полагала мама. Начать хотя бы с того, что брак наш находился на последнем издыхании, что, правда, нам обоим успешно удавалось скрывать. Даже друг от друга. Не говоря уж о том, что я сказала маме, будто мы пытаемся зачать ребенка, только для того, чтобы она перестала при каждой встрече донимать меня вопросами. На самом же деле мы с Флетчем даже и не начинали двигаться в этом направлении. И все наши разговоры о детях начинались со слов «*когда-нибудь*», словно мы оба прекрасно понимали, что только ребенка в нашей ситуации и не хватало.

Я ошарашенно уставилась на нее.

– Мы же не можем просто взять и по щелчку пальцев удочерить эту девочку. Это длительный процесс. Многие годами ждут. А мы что же, возьмем и влезем вне очереди, мам? *Будь умницей. Подавай хороший пример.*

Осознав, что я обратила против нее ее же оружие, мама нахмурилась.

– К тому же, – продолжала я, – нельзя не учитывать надпись на пуговице. Ты говоришь, там было сказано отдать ребенка Блу. Неужели ты хочешь нарушить завет Платана и оказаться проклятой? Лично я нет.

Произнося эту фразу, я невольно задумалась: интересно, а можно ли навлечь на себя проклятие *дважды*? Правда, узнавать ответ на этот вопрос мне не хотелось. Мне и одного раза было вполне достаточно.

Мама вскинула руку, пресекая мои дальнейшие рассуждения на эту тему.

– Даже не говори мне об этом Дереве. Ты прекрасно знаешь, что я о нем думаю.

И Платан, и связанную с ним легенду мама ненавидела даже больше, чем Бишопов. А это о многом говорило.

– Считать, что пуговица может как-то повлиять на твою жизнь, – редкостная глупость. А принимать решение, опираясь на предсказание, – крайне безответственно.

Она скрестила руки на бурно вздымающейся груди, и мне показалось, что у нее сейчас пар из ушей повалит от возмущения. Не желая слушать лекцию о том, как опасно верить народным преданиям, я выпалила:

– Блу уже получила временную опеку. Никто не станет отнимать у нее ребенка без веской причины.

– У твоего папы есть связи, Сара Грейс. Скажи только слово, и ребенка заберут у Блу Бишоп и отдадут тебе. – Мама сжала руки под подбородком. – Так и вижу, какие чудные рождественские открытки у нас в этом году получатся. Со всей нашей дружной счастливой семьей.

От меня не укрылось, что особое удовольствие ей, похоже, доставляла мысль о том, что Блу ребенка не получит. Вероятно, ей казалось, что это станет справедливым возмездием. Отнять ребенка в отместку за дом.

И я задумалась, понимает ли она, сколько сейчас между ней и Коббом Бишопом общего? Оба они обманом стремились заполучить то, чего им очень хотелось. Но что бы там мама ни думала, я ни за что не стала бы использовать влияние отца, чтобы отобрать у кого-то малышку. Однако, судя по маминому виду, отказываться от этой безрассудной идеи она в ближайшее время не собиралась. Значит, выход у меня был только один: тянуть время, пока ей самой эта мысль не наскучит. Я уже не раз использовала подобную оборонительную тактику в наших с ней схватках, и до сих пор она оказывалась действенной.

– Мне нужно подумать.

Мама радостно вскрикнула.

– Только не думай слишком долго. Время не ждет. Поговори с Флетчем и дай мне знать, что вы решили.

Она крепко обняла меня, в последний раз настороженно взглянула на дом, села в машину и вскоре уехала.

Слегка обалдевшая от всего этого, я поднялась по ступенькам и услышала, как они шепнули: «Добро пожаловать домой!»

Входя, я ласково погладила дверной косяк.

– Ты пока еще не мой. А когда станешь, не забудь, что это только на время.

– Сара Грейс, – окликнул меня папа со второго этажа. – Поднимись-ка, тут есть на что посмотреть.

Именно папа научил меня, что дома многое могут рассказать тому, кто готов их выслушать. И поначалу я думала, что он, как и я, тоже слышит их голоса и ощущает эмоции. Но однажды, когда мне было одиннадцать, мы осматривали очередной объект, и я решила пересказать отцу все, что услышала от того дома. Он без умолку жаловался мне на то, что фундамент у него прогнил и от этого ему совсем худо.

Папа рассмеялся и похвалил мое богатое воображение. И с того дня, привозя меня с собой на осмотры, представлял как своего маленького заклинателя домов. Так ко мне это прозвище и прилипло, тем более что я часто могла определить в зданиях повреждения, о которых, кроме меня, никто и не догадывался.

В какой-то момент отец наконец понял, что я не шучу, утверждая, будто слышу дома. Тогда он усадил меня на стул и рассказал, что у нас на Юге вообще творится много чудес. Только часть людей не желает их замечать. Еще он посоветовал мне развивать свой дар и встал на мою сторону, когда я объявила маме, чем хочу заниматься в жизни. Те из местных, кто в магию не верил, по-прежнему считали, что мое прозвище – просто шутка, другие же не находили в этой моей особенности ничего странного.

– Пожалуйста, не говори, что там притаилось семейство енотов, – отозвалась я, поднимаясь по лестнице. А про себя отметила, что кленовые ступени, пожалуй, менять не обязательно, можно будет их просто отремонтировать.

– Хуже, – ответил он, когда я вслед за ним остановилась на пороге одной из спален.

– Что может быть хуже енотов?

– Сама посмотри.

Я сделала шаг вперед. В отличие от других комнат – пыльных, грязных, вонючих – эта была убрана. В дальнем углу стояла шаткая двухъярусная кровать, застеленная выцветшим розовым одеялом. А напротив, уткнувшись в стену, как обиженный ребенок, лежал сдутый резиновый матрас. На полу валялись мусорный пакет, банки из-под газировки и обертки от еды.

Папа поднял скомканный бумажный пакет с фирменным логотипом местной закусочной «У Китти» и заметил:

– Чек пробили на прошлой неделе. Похоже, в доме обосновался сквоттер.

3

Судье Квимби нужно было всего лишь купить упаковку электрических лампочек. Через десять минут у него начиналось заседание.

– Пускай Блу из Бишопов, но она на своего отца, братьев и даже маму совсем не похожа. Не помню, чтобы она хоть раз своим поведением навлекала на себя беды. Блу приветливая. Добрая. Кроткая. Немногие это замечают, но это потому, что они не удосуживаются как следует посмотреть. Люди часто видят лишь то, что хотят видеть.

Миссис Тиллман, недавно вышедшая на пенсию школьная учительница и супруга владельца хозяйственного магазина Айка, стиснула в пальцах кредитку судьи. Буквально взяла ее в заложницы.

Судья кивнул на карточку.

– Миссис Тиллман, мне правда пора идти.

– Вы знали, что Блу у меня училась? Да-да, я была ее учительницей в пятом классе. Помню, как-то подходит она ко мне и спрашивает, не хочу ли я купить какие-то камни, которые она нашла. – Увлеченная рассказом, миссис Тиллман взмахнула кредиткой судьи. – И вот вываливает она эти камни мне на стол. Гладкие такие и отмытые дочиста. И говорит, что ученики могли бы расписывать их на уроках рисования. Она, мол, даже уже один разрисовала для примера. И показывает мне камень, раскрашенный под ягненка. Очень симпатичный, кстати. Что сказать? Я купилась.

– У меня через семь минут начинается суд.

– Я, конечно, была уверена, что Блу оставит деньги себе, ведь Бишопы едва сводили концы с концами. Но смотрю: во время обеденного перерыва она подошла к парте Шепа Уиллера и все мои четвертаки подложила ему. Оказалось, Мэри Элайза в тот день не дала ему с собой никакой еды. Я после расспросила работниц столовой и выяснила, что это не единственный случай. Семья у Шепа была уважаемая, обеспеченная, а все же у него частенько с утра и маковой росинки во рту не было.

Миссис Тиллман наконец очнулась и использовала кредитку судьи по назначению. А затем, протянув ему чек на подпись, закончила:

– Само собой разумеется, после этого я несколько лет покупала у Блу все камни, которые она приносила в школу. А тот, раскрашенный под ягненка, до сих пор лежит у меня на каминной полке. Бесценное сокровище, вот что это такое. Бесценное сокровище.

Блу

Я вытащила из духовки противень шоколадного и кокосового печенья, и дом тут же наполнился сладким сливочным запахом. Поставив противень на гранитную столешницу, я покосилась на малышку, спящую в стоящей возле дивана колыбельке.

– Думала, я совсем не так буду себя чувствовать.

Эту колыбель я пару лет назад нашла на блошином рынке в Бирмингеме. Она стала одной из первых вещей, которые я купила, решившись начать процесс усыновления. Пришлось несколько недель счищать с нее облупившуюся краску, чтобы вернуть кленовым рейкам их первозданную красоту. Но результат того стоил.

– И каких же ощущений ты ожидала? – спросила Марло, прихлебывая холодный чай и не сводя внимательного взгляда с Мо.

Элмор Аллеман – которого все в округе ласково называли Мо – сидел рядом с Перси на обтянутом фиолетовым бархатом диване и осторожно покачивал колыбельку, сжимая изящную ручку темно-коричневыми пальцами.

– Не знаю.

Я сунула в духовку противень с новой порцией печенья и завела таймер. Выпечка всегда меня успокаивала. А сегодня мне это было просто необходимо. Как говаривала Твайла, мне срочно требовалось «утешиться печеньками».

– Нормальных. Думала, буду чувствовать себя как нормальная мама.

Ясное дело, сам факт того, что я нашла ребенка в лесу, никак нельзя было назвать нормальным. И все же...

Я всегда мечтала о том, чтобы в доме звучал детский смех, чтобы за ужином собиралась дружная семья, чтобы кругом царил атмосфера любви и счастья. За последние несколько лет я посетила дюжину встреч, прошла обследование, пережила тщательный осмотр своего дома и получила официальный документ, подтверждающий, что я могу быть опекуном и усыновителем. Но до недавних пор я к исполнению своей мечты и близко не подходила.

– Сколько раз я тебе говорила, что ничего «нормального» не бывает? – заметила Марло, подавив зевок.

Она не желала отправлять Мо в «Аромат магнолий», ухаживала за ним сама и совершенно выбивалась из сил. По ее усталому лицу, по залегшим под глазами фиолетовым кругам было ясно как день, что, несмотря на помощь ежедневно приходящих к ним сиделок, следить за Мо ночами и управляться в магазине днем было для нее непосильной ношей. Мне хотелось узнать, как прошла встреча с новым владельцем магазина, но момент был неподходящий для расспросов. Не хотелось, чтобы этот вечер хоть что-то омрачало.

– Ну да, ну да. – Я выложила теплое печенье на тарелку, отнесла ее в гостиную и села рядом с Марло.

– Тогда как же ты себя чувствуешь? – спросила Перси, потянувшись за печеньем и с любопытством посмотрела на меня своими рыжевато-кариими – цвета виски – глазами.

Утром я позвонила ей из больницы, и она ушла с занятий, чтобы встретить меня дома. Мне приятно было, что она тут, со мной. С тех пор как она приехала домой на каникулы, общались мы мало – Перси посещала летние курсы в местном общественном колледже, работала, а по вечерам надолго куда-то исчезала. И я подозревала, что она тайком с кем-то встречается.

В отличие от меня Перси была общительной, нравилась людям и, кажется, вовсе не страдала от семейной стигмы Бишопов. На меня в свое время общественное порицание обрушилось в полной мере, Перси тогда была еще слишком мала, чтобы что-то понимать. К тому же у нее было замечательное – и крайне завидное – свойство не беспокоиться о том, что о ней думают другие. А меня это волновало. Порой даже чересчур.

Я попыталась облечь свои ощущения в слова.

– Я думала, что, став мамой, испытаю прилив тепла. Ну, знаете, такого, что дает настоящая любовь. Оно все ширится в груди, и кажется, что ты вот-вот лопнешь. А вместо этого у меня такое ощущение, будто в желудке затянулся какой-то холодный узел.

– Как по мне, именно так все родители себя и чувствуют, – усмехнулся Мо.

– А ну цыц! – шикнула на него Марло. – Не пугай ее, она еще и суток мамой не пробыла. Этот холодный узел, Блу, это страх. Ты боишься.

Я не просто боялась. Я была в ужасе. Не от того, что стала матерью, но от мысли, что малышку, возможно, придется вернуть семье. Или отдать государству. Или еще кому-то.

У Перси тренькнул телефон. Она глянула на экран, тут же вскочила на ноги, извинилась и, перескакивая через две ступеньки, бросилась наверх, в свою комнату. Длинные каштановые волосы плащом летели за ней.

Я покосилась на Марло и заметила, что она вопросительно вскинула бровь. Оказывается, не я одна заметила, что у Перси какие-то тайные отношения. Раньше она никогда не выбегала из комнаты, чтобы ответить на сообщение.

– Как ее зовут? – спросил Мо, подтыкая малышке хлопковое фиолетовое одеяльце.

– Флора. Ее зовут Флора, – ответила я в четвертый раз с тех пор, как они пришли. В кариых глазах Мо светилась нежность.

Твайла всегда говорила, что назвала меня Блу², потому что, когда впервые увидела меня, я была вся синяя от холода. Я родилась в морозный декабрьский день. Мое появление на свет оказалось для всех полной неожиданностью. И Твайле, должно быть, неприятно было об этом вспоминать, потому что она ничего мне про тот день не рассказывала, кроме того, что кожа у меня отливала голубым. Поначалу я хотела соблюсти традицию и назвать Флору Вайолет³, но почему-то мне это показалось неправильным. А вот имя Флора отлично ей подходило, тем более что нашла я ее в лесу, среди цветов.

– Бьюсь об заклад, она тебя всю ночь на ногах продержит, – сказал Мо, строя спящей малышке рожицы, будто она могла его видеть. Казалось, она совершенно его очаровала. И соображал он сегодня куда лучше, чем в последние несколько месяцев. А ведь было уже темно – вечерами ему всегда становилось хуже. Специалисты называли смятение, охватывавшее больных деменцией и Альцгеймером после захода солнца, «вечерней спутанностью».

Я улыбнулась.

– Пускай, я не возражаю.

Нам с Флорой предстоял долгий путь, и я уже была в неоплатном долгу перед Марло. Сразу после того как мы нашли малышку, она позвонила нескольким знакомым, и вскоре мне сообщили, что судья Квимби назначил экстренное слушание. По итогам которого я получила над Флорой временную опеку.

На неделе ко мне должен был зайти судебный следователь, оценить жилищные условия и определить, можно ли мне стать постоянной опекуной Флоры, если ее биологические родители в ближайшее время не найдутся. Если же их не удастся отыскать в течение четырех месяцев, суд лишит их родительских прав и я смогу подать прошение об удочерении.

ОТДАЙ РЕБЕНКА БЛУ БИШОП.

Я не могла отделаться от мысли, что все решилось так быстро, без бюрократических проволочек благодаря нашему Пуговичному дереву. Оно хотело, чтобы малышку забрала я, и позаботилось об этом.

Оставалось лишь надеяться, что оно и дальше будет дергать за невидимые ниточки, ведь по делу Флоры началось полицейское расследование. Утром мне довольно долго пришлось говорить с бывшим одноклассником Шепом Уиллером, который с недавних пор служил в полиции Баттонвуда. Он записал мои показания и пообещал сообщить, как только узнает что-то новое. Получалось, что если мать Флоры найдут и она захочет вернуть девочку, мне придется ее отдать. Ведь в Алабаме – как бы жутко это ни звучало – бросить ребенка без намерения причинить ему физический вред считалось *мелким правонарушением*. А мелкие правонарушения – это чепуха. Мои родственники на них плевали с высокой колокольни. Ну, кроме Перси. Она была исключительно законопослушной особой.

Чаще всего мелкие правонарушения вообще сходили людям с рук. В худшем случае их приговаривали к году заключения в окружной тюрьме. А матери Флоры достаточно было бы

² Blue – голубой (англ.).

³ Violet – фиолетовый (англ.).

рассказать суду душещипательную историю, и она бы отделалась условным сроком и штрафом. От мысли, что я лишь *временная* опекунша девочки, у меня все нутро сводило.

Марло вытянула свои коротенькие ножки и скрестила их в лодыжках.

– Тепло придет, когда ты примиришься со своим прошлым, Блу. Только тогда ты успокоишься и сможешь заняться будущим.

Долгие годы она твердила, что я должна простить своих родных и двигаться дальше, но так и не смогла объяснить мне, как это сделать. Одно я знала наверняка – на словах это было куда легче, чем на деле.

– Даже если бы мне это удалось, – возразила я, стараясь не вспоминать, что мать моя, например, умерла, накачавшись виски, – судьба Флоры все равно зависит не от меня. Все в руках ее биологических родителей и судьи.

Мо поднял на меня горящие праведным гневом глаза и выпалил:

– Чепуха на постном масле! Не время сейчас *успокаиваться*. Ты должна бороться за эту малышку. Драться, если будет нужно.

И в голове у меня, нагоняя слова Мо, словно попутный ветер, зазвучал голос Твайлы: *«Погоди, Блу, погоди и увидишь – беда еще придет к тебе. И когда это случится, ты справишься с ней не лучше меня. Моральный компас, попав между молотом и наковальней, ломается быстро»*.

Но я не желала верить матери. Знала, что выбор есть всегда. Всегда.

Ей не обязательно было выписывать фальшивые чеки и топить горе в стакане, отца никто не заставлял мошенничать, Уэйд и Тай могли бы не грабить банк, а Мак – не драться.

И все они уж точно могли бы не умирать.

Не оставлять меня.

Я *никогда* не стану такой, как они.

Ярость медленно разгоралась внутри. Я сделала глубокий вдох. До сих пор я избегала любых конфликтов. Ненавидела споры и разногласия. Я даже голос не любила повышать. И не собиралась отказываться от всего, во что верила, ради грязной борьбы. Но... За Флору я готова была драться, если будет нужно. Драться *законным путем*.

– Мо, – тяжело вздохнула Марло.

Но он не обратил внимания.

– Вот что, Блу, каждому, кто попытается отобрать у тебя эту кроху, скажи, чтобы он катился прямо в ад и носа оттуда не смел высовывать. Это твой ребенок. *Твой*. Слышь?

Я кивнула, больше для того, чтоб его успокоить.

Глаза его потухли, вспыхнувший внутри огонь угас, и Мо обернулся к Флоре.

– Славная малышка. Как ее зовут?

Сара Грейс

Когда я вернулась, дом, последние сто двадцать лет переходивший от одного Фултона к другому, был до странности тих. А я-то боялась, что он, как обычно, примется меня дразнить.

Он ненавидел меня, этот дом.

Один из первых в Алабаме особняков, построенных в стиле крафтсман, он неизменно восхищал меня своими арками и резными деревянными элементами. Но на своем веку ему довелось видеть столько злобы и страданий, что со временем он совсем очерствел душой. Может, это была всего лишь защитная реакция. А может, его ожесточили сто двадцать лет абсолютной беспомощности, окончательно убив в нем природную доброту и отзывчивость.

Как жаль, что при нашей первой встрече особняк не предупредил меня, во что я ввязываюсь. Впрочем, дома отлично умеют хранить секреты. И все скелеты до поры до времени

надежно прячут в шкафах. А в этом доме, как я со временем выяснила, скелетов пряталось множество.

Переехать куда-нибудь пока не представлялось возможным. Этот дом подарила нам на свадьбу овдовевшая мать Флетча. И я могла бы поклясться, что когда Жасмин Фултон вручала нам ключи, в глазах ее – вместе с печалью – читалось облегчение. Теперь она поселилась в Неаполе, штат Флорида, в прекрасном новом доме, где было много воздуха, света и позитивной энергии. И каждый раз, навещая ее, я старалась не выдать, как отчаянно ей завидую.

– Флетч? – позвала я, и голос мой эхом разлетелся по лабиринту коридоров, словно дом меня передразнивал.

Муж должен был знать, что я уже приехала. Он установил над входом систему видеонаблюдения, и датчик движения посылал ему оповещения на телефон. Я терпеть не могла это жуткое изобретение, но Флетч утверждал, что оно нам необходимо из соображений безопасности. Смех да и только. Лично я подозревала, что он просто хочет отслеживать по видеозаписям, когда я ухожу и прихожу.

– Я в кухне, – проорал Флетч мне в ответ.

Бросив рабочую сумку на стол в холле, я глубоко вдохнула, укрепляя моральный дух. В последние дни мне жилось куда лучше, когда Флетча дома не оказывалось. Натянув улыбку, я вошла в кухню и тут же вздрогнула, заметив на стойке, возле хлебницы и обрезков сэндвичей, бутылку виски.

– Давно вернулся?

– С полчаса.

Полчаса. Значит, выпил уже как минимум один стакан. А то и два.

Флетч быстро убрал мобильный в карман.

– Ты опоздала. Я страшно жрать хотел и поужинал без тебя.

Я направилась к раковине, чтобы помыть руки. И, краем глаза покосившись на отражение в оконном стекле, заметила, как он снова вытащил телефон из кармана, быстро взглянул на экран и сунул его обратно. Вытерев руки кухонным полотенцем, я обернулась к нему. Уже и не вспомнить, когда мы в последний раз ужинали вдвоем. Если мы и оказывались за одним столом, обычно это случалось в доме моих родителей. Там мы натягивали на лица счастливые улыбки и лгали направо и налево. Гениальные актеры.

– Все нормально, – ответила я. – Я не голодна.

Он отодвинул от себя тарелку.

– Работала?

– Ага. Закончила составлять предложение о покупке. Я решила назначить цену за дом Бишопов.

Флетч, вскинув светлые брови, потянулся за хрустальным бокалом из набора, некогда принадлежавшего его прадедушке.

Я эти бокалы ненавидела. Настолько, что из двенадцати «случайно» разбила уже четыре штуки. По одному за каждый раз, когда мне приходилось конопатить пробитые кулаками Флетча дыры в стенах.

Он одним глотком допил остатки темно-янтарной жидкости.

– Это не дом, а куча дров. Ты уж тогда лучше чиркни спичкой, а после начинай с нуля.

Флетч Фултон был красивым мужчиной – и сам знал об этом. Золотисто-каштановые волосы, живые карие глаза. В школе и колледже он играл в футбол, но на первом курсе получил травму колена и вынужден был отправиться на скамейку запасных. Со своей ослепительной улыбкой и широкой душой, он обладал поразительной способностью мигом располагать к себе людей.

Мы с ним оба родились и выросли в Баттонвуде, а потому знали друг друга едва ли не всю жизнь. Но встречаться начали только после того, как окончили колледжи, вернулись домой и

случайно столкнулись на одном из организованных моим отцом благотворительных мероприятий. Не то чтобы между нами вспыхнула истинная любовь. Ничего похожего. Нас связала дружба, выросшая из ощущения, что мы – родственные души. Скрытные души. Потерянные души. Оба мы в угоду родителям проживали жизни, которые ни за что не выбрали бы для себя сами. Мы нашли друг в друге то, в чем в то время отчаянно нуждались. Я в нем – тень, в которой могла бы спрятаться. Он – связи моего отца. На последнем курсе, осознав, что его планам попасть в НФЛ⁴ не суждено осуществиться, Флетч отправился за советом к своему умирающему отцу и вернулся от него с новой жизненной стратегией: отныне он займется политикой.

Флетч с грехом пополам окончил колледж, получив диплом бакалавра гуманитарных наук. Похоронил отца. Женился на мне. И вот уже три года работал на моего папу. Весь Баттонвуд знал, что он планирует однажды баллотироваться на пост мэра.

И все же в их с отцом грандиозном плане были свои изъяны. Самый большой заключался в том, что Флетч не хотел быть мэром. Единственное, что нравилось ему в политике, – это то, что она давала всенародную известность. С куда большим удовольствием он стал бы футбольным арбитром или спортивным комментатором. Но вышло так, что Флетч увяз. В нелюбимой работе, в слишком маленьком для него городке, в необходимости делать вид, что такая жизнь ему нравится.

И все же некоторое время мы были счастливы вместе. Счастливы и спокойны. Но каждый актер отлично знает, каким трудом дается постоянное притворство. Тем более если сбросить маску ты не можешь даже дома. Напряжение нарастало. В наших разговорах все чаще проскальзывали отголоски невысказанных сожалений. Мы отдалялись друг от друга. Я с головой ушла в работу и подготовку к марафону. А Флетча одолели старые демоны, подсказав ему найти утешение в бутылке.

Каждое утро он отправлялся на работу, разыгрывал спектакль перед коллегами, и о его вредных привычках никто не догадывался. Кроме меня. И нашего дома.

Обиженная тем, что дом Бишопов только что обозвали дровами, я встала на его защиту:

– Каркас у этого дома крепкий.

– Я бы за него и гроша ломаного не дал. Блу из ума выжила, если считает, что кто-то заплатит за него полную цену.

Я подошла к холодильнику, достала кувшин с холодным чаем и в миллионный раз спросила себя, как же я до такого докатилась. Как оказалась замужем за нелюбимым. А потом вспомнила.

Проклятие Пуговичного дерева. Я сама на себя его навлекла.

Поборов порыв выскочить через заднюю дверь, пуститься бежать и не останавливаться, пока не упаду, я достала из шкафчика высокий стакан и стала насыпать в него кубики льда.

Забрав со стола грязную тарелку, Флетч направился к раковине и, огибая стойку, бросил:

– Ко мне сегодня заходил Джад.

Джад. Мой папа. Кажется, я догадывалась, о чем они говорили. Плеснув в стакан холодного чая, я поскорее, пока не заметил муж, спрятала бутылку бурбона с глаз долой.

– Хотел поговорить о ребенке?

– Ага. – Флетч развернулся ко мне и скрестил руки на груди. – О ребенке, которого Блу нашла в лесу.

– Мама тоже сегодня ко мне заезжала. Говорит, малышка – само совершенство.

– Кто бы сомневался, – фыркнул Флетч. – Непонятно только, чего ж это совершенство бросили в лесу?

Скрутив крышку с пачки майонеза, я до боли в пальцах сжала резьбу.

– Не всем дано стать родителями.

⁴ НФЛ – национальная футбольная лига – профессиональная лига американского футбола в США.

Я представления не имела, каково это – бросить ребенка, но хорошо знала, что значит его потерять. Эту раздирающую изнутри боль нельзя было описать – только прочувствовать. В комплекте с ней шли жуткие воспоминания, которые я всей душой желала забыть.

– Ну да ладно. – Флетч шагнул ко мне. – Джад хочет, чтобы мы удочерили эту девочку, Сара Грейс. Но я все же был бы не прочь однажды завести собственного ребенка.

Завести детей было одной из главных жизненных целей Флетча. Не то чтобы он их сильно любил, скорее, хотел доказать – пускай даже самому себе, – что станет лучшим отцом, чем его собственный. Прямо скажем, эту высоту взять было несложно.

– Думаю, пора нам начать над этим работать, – добавил он.

– Не уверена, что момент подходящий. – Я сунула майонез в холодильник и с трудом удержалась, чтобы не хлопнуть дверцей.

– Но ты ведь хочешь ребенка, правда? – спросил он, подступая ближе.

– Конечно, хочу когда-нибудь, – ответила я. – Но учитывая, как у нас обстоят дела, я не думаю...

– У нас все в порядке. – Флетч растянул губы в своей очаровательной улыбке. – Просто сложный период. Такое во всех семьях бывает.

Наши отношения были на последнем издыхании, валялись у наших ног и бились в конвульсиях. Может, что-то и могло спасти наш брак, но уж точно не ребенок.

– Может, сходим к психологу? – предложила я.

– Сара Грейс, я не желаю, чтобы кто-то лез в наши дела. Как ты себе это представляешь? Ты большую часть времени даже разговаривать со мной не хочешь.

– Это неправда, – солгала я.

Невысказанные слова забили горло, меня душили сожаления и разочарования. Мне хотелось напомнить ему все те разы, когда он твердил мне, что сдавать дома малоимущим семьям по сниженной цене – это глупость. Когда говорил, что лучше бы я в спортзал ходила, чем тратить время на подготовку к марафону. Работа и бег были двумя важнейшими элементами моей жизни, единственными, приносившими мне радость и удовлетворение. Он же хотел это изменить. Изменить *меня*. Однажды мне до смерти надоело это объяснять, и я просто перестала говорить с ним о работе и тренировках. Так что, да, пожалуй, он имел право сказать, что я не желаю с ним разговаривать.

– Поэтому нам и нужно обратиться к терапевту, – добавила я.

Я уже давно усвоила на горьком опыте, что доказать ему что-то, когда мы с ним наедине, не получится. Понимая, что я не готова сдаться и согласиться на то, что *он* считает для меня *лучшим выбором*, Флетч будет распалиться все больше и орать все громче. Вот почему мне хотелось, чтобы при нашем разговоре присутствовал медиатор. Человек, который мог бы вмешаться, если страсти чересчур разгорятся.

Флетч вскинул бровь, взгляд его посуровел.

– Нет, мэм, благодарю покорно. Забудь о терапии, Сара Грейс. Я считаю, именно ребенок может помочь нам вернуть все на круги своя.

Учитывая, сколько он выпил бурбона, я сейчас ходила по тонкому льду. Злить его точно не стоило, и все же я хотела осторожно донести до него свою точку зрения. И выпалила на одном дыхании:

– Мы оба знаем, что ребенок наши проблемы не решит.

И приготовилась к неминуемой вспышке. В этом доме мне пришлось заделать больше дыр в стенах, чем во всех остальных домах, которыми я занималась, вместе взятых. И все же меня Флетч ни разу не ударил. Все потому, что очень боялся пойти по стопам своих отца, деда и прадеда. А точнее – всех мужчин, когда-либо обитавших в этом доме. Пивших без меры, не способных обуздать свой горячий нрав, одержимых семейными демонами. И колотивших тех, кого они вроде как должны были любить.

Флетч твердо решил разорвать этот порочный круг. К тому же знал, что если он меня хоть пальцем тронет, между нами все будет кончено. Что, в свою очередь, положит конец его политической карьере. Я согласна была исполнять свою роль только в определенных рамках.

Так что он не набросился на меня, наоборот, осторожно взял мои руки в свои, я же постаралась не отшатнуться. Сколько месяцев прошло с тех пор, как он в последний раз касался меня с чувством, хоть отдаленно напоминающим нежность? Два? Три? Я уже и не помнила.

– Мы можем все исправить, – произнес он. – По-моему, вся эта хреновина с ребенком – неплохая идея. Нужно поскорее заняться этим делом.

Хреновина с ребенком. Боже милостивый!

Его ладони скользнули вверх к моим плечам, огладили нежно, но моя кожа под его пальцами покрылась мурашками. Как мы до этого докатились? Как я до этого докатилась? Не решаюсь высказать свое мнение. Боюсь быть собой. Не могу вынести прикосновений собственного мужа.

Чтобы потянуть время, я выпалила:

– Я скоро иду к доктору на осмотр. Давай сначала удостоверимся, что механизм, как говорится, в порядке. А потом уж начнем.

– Ладно. – Он мгновенно успокоился, отпустил меня, но тут же добавил: – Но насчет ребенка, которого нашла Блу, тоже нужно что-то решить. Джад дал мне контакты хорошего адвоката. Нужно ввести мяч в игру.

Тяни время, тяни время.

– Над этим еще стоит подумать. Не будем ничего решать на ночь глядя. Ребенка ведь не так-то просто усыновить. Это долгий процесс.

– Ты же знаешь, Джад может подергать за ниточки.

То же самое мне сказала и мать. Баттонвуд был маленьким городком, а мой отец – влиятельным человеком.

– Я не хочу пользоваться такими приемами.

– Черт, да мне вообще этот ребенок не сдался, но из нас родители уж точно получатся лучше, чем из Блу.

– Ты ее почти не знаешь. Как ты можешь так говорить?

– Как будто ты знаешь ее лучше.

– Она моя подруга. Если не помнишь, мы в школе в одном классе учились.

Блу пошла в школу на год позже, чем полагалось по возрасту. И ладно, пускай мы не дружили, но как минимум *приятельствовали*.

– Нет у тебя никаких друзей, – фыркнул Флетч.

Я втянула голову в плечи, и он ухмыльнулся, сообразив, что наступил на большую мозоль. У меня, в самом деле, было мало друзей. Трудновато их завести, когда приходится скрывать огромную часть своей личности.

– Хватит и того, что она из *Бишопов*, – презрительно протянул он.

– А ты из Фултонов, – бросила я, пытаюсь дать ему понять, насколько это нелепый аргумент. – Притом вылитый отец.

Флетч с шумом втянул воздух и уперся языком в щеку – верный признак того, что он уже с трудом себя контролировал.

– Принято. И все равно мы станем лучшими родителями, чем Блу, хотя бы потому, что нас двое.

– Если кто и способен вырастить ребенка в одиночку, так это Блу. Она и Перси практически одна воспитывала, и посмотри, какая прекрасная девушка из нее получилась.

– Что это ты так защищаешь Блу?

Щеки у меня вспыхнули.

– Просто высказываю свою точку зрения.

Флетч тяжело вздохнул.

– В конечном счете все это не важно. Твои родители жаждут, чтобы мы усыновили этого ребенка. Предвыборной кампании твоего отца это пойдет на пользу. Да и моей тоже. Если я решу занять кресло мэра, когда оно освободится.

Заметив, что он сказал «если», а не «когда», я склонила голову набок. Это было что-то новенькое.

– Если решишь занять его кресло? А что, у тебя появились сомнения?

Его широкие плечи окаменели.

– Я просто оговорился. Суть в том, что готовая семья, да еще приправленная душещипательной историей, привлечет избирателей. Завтра утром позвоню адвокату.

– Не надо. Дай мне время, – повторила я. Грусть захлестнула меня с головой. Похоже, пора было снова отправляться к Платану за советом. Я твердо верила, что способ снять проклятие существует. Счастье. Все, чего я хотела, – это испытать хоть немного счастья в жизни, в которой по моей собственной вине все так запуталось.

Тихий внутренний голосок нашептывал мне, что я стала бы счастливее, если бы ушла от Флетча. Очень знакомый голосок – впервые я услышала его вскоре после нашей с Флетчем свадьбы, он тогда сообщил мне, что я совершила огромную ошибку. Я привычно заставила его замолчать. Мне сейчас только развода не хватало. Трясти нашим грязным бельем у всех на виду? У меня внутри все переворачивалось от одной мысли об этом и о том, как подобное отразится на карьере отца. Ведь вся его предвыборная кампания строилась на образе безупречного семьянина.

Раздраженно вздохнув, Флетч буркнул:

– Ладно, но ты уж сама объяснись с Джадом.

– Хорошо.

Бросив взгляд на экран мобильного, он вдруг заявил:

– Мне пора.

– Снова уходишь? – В последнее время он либо допоздна задерживался на работе, либо вечерами засиживался с приятелями. – Куда?

– А какая разница?

– Просто мне кажется, мы так мало бываем вдвоем, что нашему браку это вряд ли пойдет на пользу. И почему, кстати, ты не хочешь сказать, куда направляешься?

Раз уж он считал возможным отслеживать мои перемещения с помощью видеорегистратора, мог бы хотя бы сообщать, куда уходит сам.

– Ты как будто не доверяешь мне. А разве это я сегодня заработался и опоздал на ужин? Нет. Это была ты, Сара Грейс. Так что завтра уж будь добра, постарайся вернуться вовремя. Не жди меня.

В голове снова зазвучал тоненький голосок, убеждающий меня уйти от него, от угроз, постоянно висевших в воздухе вместе с запахом бурбона, от всей той фальши, которую мы создали своими руками.

И господь свидетель, я очень хотела убежать.

Но потом я вспомнила о своих родителях, об их ожиданиях и подавила этот порыв. Если мы с Флетчем постараемся, у нас получится все наладить. *Будь умницей. Подавай хороший пример.*

Я открыла было рот, чтобы попросить его остаться дома, но заметив, что Флетч уже взял ключи, снова его закрыла. День выдался богатый на события, и у меня сейчас не было сил придумывать, как нам подлатать наш брак. Снова вернулись мысли о ферме Бишопов, закружились в голове, будто поддразнивая.

Починить что-то можно, только если ты точно знаешь, где поломано.

Я, правда, считала, что нашему браку не поможет и капитальный ремонт. Хлипкие стены, которые выстроили вокруг себя мы с Флетчем, были единственным, что удерживало нас вместе. И я не сомневалась, что если начну их подновлять, наш брак просто развалится на куски.

Услышав, что машина Флетча отъехала от дома, я взяла свой стакан с чаем, выключила свет в кухне, подобрала в холле сумку и направилась в кабинет.

Дверь в эту комнату часто заедала, и я толкнула ее изо всех сил, но только загнала занозу в ладонь. Тогда я навалилась на нее плечом, и дверь тут же поддалась, а я по инерции влетела в комнату.

– Не смешно, – бросила я, порадовавшись, что хотя бы чай не пролила.

Дом захихикал.

Все последние четыре года я пыталась с ним подружиться, но всякий раз встречала решительный отпор. И все равно, как дура, не оставляла попыток. Не только ради дома, но и ради себя самой. Здорово было бы завести хотя бы одного друга.

– И все равно ты мне нравишься, – сказала я, вытащила занозу из ладони и достала из сумки предложение о покупке, чтобы еще немного над ним поработать.

Пускай Флетчер и гроша ломаного за нее бы не дал, я собиралась предложить за ферму полную цену и надеялась, что вскоре смогу внести задаток.

Зазвонил мобильный и, прежде чем ответить, я взглянула на определившийся номер. Будь это мама или папа, я бы сбросила вызов. У меня сейчас не было сил разбираться с этой историей. Но увидев, что звонит Кибби, я сразу ответила. Моя двоюродная сестра Кибби – Кимберли Гастингс – недавно окончила второй курс колледжа Алабамы по специальности дизайнер интерьеров. У нее был отличный вкус, и нередко она помогала мне с отделкой недавно купленных домов.

– Просто хотела напомнить, что завтра работаю в книжном, так что в офисе меня не жди, – сказала Кибби в трубку. – Марло велела всему персоналу в полдень явиться на экстренное совещание – похоже, случилось что-то важное.

Моя Кибби была настоящей рабочей пчелкой. Всегда в делах. Вечно озабоченно жужжит. Она мало спала, пила слишком много кофе и постоянно куда-то спешила. Мне эта тактика была хорошо знакома. Моим способом справиться с болью был бег, а ее – работа. Сейчас она трудилась на полставки сразу в двух местах: в моем офисе и в книжном магазине. А еще была волонтером в ветеринарной клинике и считалась лучшей в Баттонвуде почасовой няней – как для детей, так и для домашних питомцев.

Мой взгляд задержался на стоявшем на столе фото. Снимок был сделан прошлым летом, во время вечеринки у бассейна в доме моих родителей. Кибби обнимала меня за плечи. По одинаковым высоким лбам, острым скулам, светлым волосам и широким улыбкам сразу было понятно, что мы родня. Только сложение у нас было разное: я словно вся состояла из длинных тощих конечностей, Кибби же, напротив, была низенькой пышечкой. На том фото обе мы, загорелые, сияющие, прятали за радостными улыбками с недавшую нас тоску.

– И что именно? – спросила я.

В «Кроличьей норе», магазине детских книг, Кибби начала работать еще в старших классах. А теперь, став студенткой, подрабатывала там во время каникул. Когда была жива моя тетя Кэролин, она каждую неделю приводила Кибби в книжный на *«время сказок»* – послушать, как хозяева вслух читают детям книжки. А после гибели родителей Кибби сама стала приходить в магазин. Там ей всегда было тепло и спокойно – помогали как добрые воспоминания, так и радушные хозяева магазина, Марло и Мо Аллеманы. И когда Кибби захотела работать в книжном, моя мать не нашлась, что ей возразить, хотя и знала, что Блу Бишоп тоже числилась в штате. Мама боялась, что такое тесное общение с девушкой из семейства Бишоп запятнает репутацию Кибби, но, к счастью, ее страхи не оправдались. И все же она строго-настрого

запретила Кибби упоминать о Блу, словно при одном звуке ее имени на наш дом могло обрушиться проклятие.

К своим антипатиям мама относилась очень серьезно.

– Не знаю, – ответила Кибби. – Но я видела, как возле магазина ошивался какой-то непонятный тип. Может, это с ним как-то связано?

– Непонятный – в смысле незнакомый или в смысле с чужинкой?

– Незнакомый, – рассмеялась она. – Как только узнаю подробности, сразу же тебе расскажу.

Мы попросились и повесили трубки. Я поработала еще несколько часов, наслаждаясь тишиной, затем решила, что пора и честь знать. Заперла входную дверь и пошла наверх. А тоска потащилась следом и вместе со мной улеглась в холодную постель. Пожалуй, не стоило откладывать визит к Пуговичному дереву в долгий ящик.

Блу

Я никогда не была соней. Ночами чаще всего засыпала лишь на пару часов, но теперь, когда рядом была Флора, мне совсем расхотелось закрывать глаза. Вот так бы смотрела на нее и смотрела.

Колыбель я отнесла в спальню, но большую часть ночи провела на кровати, держа малышку на руках. Всей кожей впитывала ее тепло. Пыталась запомнить звук ее дыхания, ритм, в котором поднималась и опадала маленькая грудка. Изучала ровные линии на ее ладонях, форму на удивление острых ногтей. Мне очень хотелось нарисовать ее профиль, но жаль было выпускать девочку из рук, чтобы достать альбом.

Впервые в жизни я без всяких сомнений могла сказать, что любовь с первого взгляда существует.

Несмотря на наши опасения, Флора и не думала буянить ночью. Она спала крепко и только раз, в час ночи, затребовала бутылочку со смесью. Покормив ее, я поменяла ей подгузник, и она тут же снова уснула.

Время близилось к четырем утра. Я знала, что мне нужно поспать. Но стоило мне закрыть глаза, как Флора издала жалобный писк.

– Ну-ну, – мягко сказала я, бережно придерживая ее головку рукой. – Зачем же так шуметь?

Услышав мой голос, она поначалу притихла, но вскоре принялась извиваться у меня в руках и сердито покрикивать.

– Ну хорошо. Иду. – С Флорой на руках я прошла по освещенному луной дому в кухню, быстро приготовила бутылочку, и мы снова поднялись в спальню.

Остановившись на площадке лестницы, я прислушалась, не доносится ли шума из комнаты Перси. Когда я в прошлый раз спускалась за смесью, из-за двери слышался ее приглушенный голос – она разговаривала с кем-то по мобильному. Мне ужасно неприятно было, что она что-то – или кого-то – скрывает от меня, и с каждым днем уважать ее право на личное пространство становилось все труднее.

Вернувшись в комнату, я с Флорой на руках забралась в старое плетеное кресло-качалку. Флора принялась за смесь, причмокивая на удивление громко для такого крохотного существа. В свете луны в ее серых глазках вспыхивали голубые искорки. Очень скоро она начала моргать, словно ей с каждой минутой все труднее было удерживать глаза открытыми. И наконец сдавалась, смежила веки, и темные ресницы полукружьями легли на розовые щеки. Когда я забрала бутылочку, чтобы дать ей срыгнуть, она уже почти спала, лежала у меня в руках теплым расслабленным комочком весом в шесть фунтов.

Шесть фунтов весом. Восемнадцать дюймов ростом. Доктор сказал, что ей не больше трех дней от роду. Все это время заботились о ней хорошо, и я была за это очень благодарна ее неизвестной матери.

– Нет-нет, Флора, не засыпай пока. Ты же не хочешь, чтобы у тебя животик заболел?

Она прищмокнула губами в ответ, но по ритму ее дыхания стало ясно, что она уже спит. Не желая сдаваться, я встала и начала ходить с ней по комнате. Я тоже была упрямой.

Проходя мимо окна, я заметила какое-то движение на заднем дворе Аллеманов. И сначала подумала, что это Мо снова бродит ночами. Но нет, это была Марло. Давненько мне не доводилось видеть, как она танцует в свете полной луны. И я задержалась у окна, наблюдая за ее грациозными движениями, представлявшими собой причудливое сочетание балетных па и тай-чи. Не знаю, существовало ли у этого танца, который она исполняла в лунные ночи, официальное название, но лично я называла его лунный танец. Темная кожа ее, казалось, впитывала лунный свет, и когда Марло взмахивала руками, в ночном воздухе за ними тянулся золотистый мерцающий след.

Мягко похлопывая Флору по спинке, я принялась двигаться в такт с Марло. Но вскоре малышка срыгнула, и мне пришлось оторваться от этого завораживающего зрелища. Я неохотно отошла от окна, сменила Флоре подгузник, поцеловала ее в пушистую макушку и положила в колыбельку, стоявшую на расстоянии вытянутой руки от кровати.

Затем я забралась в постель и укрылась одеялом по самую шею. В голове крутились мысли о Марло, Мо и магазине. О Перси и ее тайнах. О старом доме на ферме и о том, как счастлива я была там когда-то, давным-давно.

Минуты бежали, и в конце концов я задремала. В ту ночь мне приснилась золотая ворона с гордыми черными глазами, державшая в клюве сияющую нить.

4

Блу

Следующим утром, к восьми часам уже умытая и одетая, я сидела за чертежным столом на утепленной террасе, где была оборудована моя студия. Взгляд мой то перебегал с лежавших передо мной рисунков, изображавших зверят в балетных пачках, к спавшей в колыбельке Флоре, то останавливался на окне, за которым виден был задний двор.

Когда я сюда переехала, там царила разруха. Предыдущие жильцы двором явно не занимались, и я, засучив рукава, взялась за дело и попыталась превратить его в место, о котором мечтала с детства. Истоптанную глину сменил зеленый газон, на месте сорняков выросли луговые цветы. На ветвях деревьев теперь покачивались расписанные вручную елочные шары всех существующих в природе оттенков, создавая иллюзию, будто в моем дворе круглый год царит Рождество. Белый заборчик обвивали гирлянды из разноцветных лампочек, а между двух дубов покачивался гамак.

Сквозь распахнутые окна на террасу проникали свежий утренний воздух и яркий солнечный свет. На улице щебетали птицы, и каждый час раздавался звон колокола из расположенной в паре кварталов от дома церкви. Я же прикладывала все силы, чтобы оставаться на месте. Меня снова звал за собой ветер, и мне так отчаянно хотелось отправиться на поиски утраченного, что трудно было усидеть на стуле.

– Позже, – сказала я, вцепившись пальцами ног в деревянную рейку.

Намного позже.

Мне жутко не хотелось показываться сегодня с Флорой на людях, но Марло не так часто обращалась ко мне за помощью. Честно говоря, можно было по пальцам одной руки пересчитать все разы, когда она о чем-то меня *просила*. Я не могла ее подвести, а это значило, что через час с небольшим нам с Флорой предстояло отправиться в книжный, познакомиться с новым владельцем и объяснить ему, как проходит ежедневный ритуал открытия магазина. Марло обещала подойти позже, когда сводит Мо к доктору.

Теперь, когда у меня появилась Флора, я уже не так сильно расстраивалась из-за новостей о «Кроличьей норе», и все же от одной мысли, что хозяйничать в магазине отныне будет посторонний человек, у меня все внутри скручивалось узлом. Постепенно печаль как-то улеглась, и я постаралась найти в случившемся плюсы – ведь у Марло теперь станет больше свободного времени и денег, а это самое главное. И все же от чувства, что я теряю нечто глубоко любимое, никуда было не спрятаться. Без Марло магазин никогда не будет прежним. Она сама говорила, что «Кроличья нора» была ее сбывшейся мечтой, в этот магазин она вложила душу и сердце.

– Даже не верится, что Марло продала магазин, – словно прочитав мои мысли, сказала в кухне Перси. Голосу ее аккомпанировал звон посуды. – Точнее, не верится, что никто до последнего ни о чем не догадывался. В этом городе трудно сохранить что-то в тайне.

У меня было на этот счет другое мнение. Перси вот, например, отлично удавалось скрывать, где это она пропадает ночами.

– У нее были на то причины.

– Как и у всех, кому приходится скрывать, верно?

Но почему Перси решила утаить от меня, что с кем-то встречается? Конечно, бурный роман в восемнадцать лет вряд ли привел бы меня в восторг, но все же я не была ханжой. И понимала, что в жизни бывает всякое. То, что она решила держать эти отношения в тайне,

беспокоило меня гораздо больше. Почему она не приводила своего парня домой, не знакомила нас? Может, стыдилась? Но чего? Он что, намного старше? Или *женат*?

– Говорят, ее видели в городе с каким-то молодым парнем. Но как его зовут и откуда он, никто не знает. Одно можно сказать точно: он не местный.

– Правда? – я рада была отвлечься от мыслей о том, что из-за Перси доверие в нашей семье исчезает.

– Один из наших ветеринаров на днях видел их вместе в банке. Говорит – парень высокий, с каштановыми волосами и ямочками на щеках, – рассказала она, выходя на террасу.

От упоминания банка у меня заныло под ложечкой. Прошло уже почти двадцать лет с того дня, когда мои братья ограбили «Блэксток банк», но ни стыд, ни... горе с годами не померкли.

Держа в руках миску гритса⁵, Перси опустилась в старое кресло. Влажные волосы она зачесала назад. Я знала, что, высохнув, они рассыпятся по плечам, обрамляя ее высокие скулы и упрямый подбородок.

Я, как и мой старший брат Мак, была светленькой, пошла в родню Твайлы. Но вот Перси, Уэйд и Тай были вылитый отец. И фигурой в него уродились, и румянцем, и цветом глаз и волос. Когда Перси появилась на свет, мать чуть с ума не сошла от счастья. Ей было уже сильно за сорок, и она считала, что с беременностями давно покончено. Персиммон⁶ – имя ей дали в честь дерева, которое расцвело в саду в день ее рождения, – родилась почти на десять лет позже меня. Твайла долгое время и не подозревала, что беременна, и лишь на седьмом месяце догадалась, почему она так неважно себя чувствует. К счастью, на этот раз у нее осталось больше времени свыкнуться с этой мыслью, чем в случае со мной – ведь обо мне она узнала только в день моего рождения. Я оказалась для Твайлы полнейшим сюрпризом. Причем скороспелым сюрпризом. Врач, которому меня показали, объявил, что я родилась как минимум на полтора месяца раньше срока. Ну и тощей же я была – весила немногим больше четырех фунтов.

Перси повозила в миске вилкой, делая в гритсе вмятины, в которых тут же собиралось растопленное масло.

– Напиши мне потом, как все прошло. Ужасно любопытно, что это за парень, нет сил ждать до вечера. Хочу знать все подробности.

По понедельникам с девяти до одиннадцати у Перси в колледже был матанализ.

– Во время занятий нельзя переписываться.

В отличие от Университета Северной Алабамы, находившегося в полутора часах езды, до нашего местного колледжа было всего пятнадцать минут пешком. Сестра записалась туда на летние курсы, чтобы поскорее получить степень в области биологии.

– Хочешь, чтобы я ждала и мучилась? – надулась Перси. – Это жестоко. Просто жестоко. Я из колледжа сразу на работу поеду. Состариться успею, прежде чем все узнаю.

– Не забудь записаться в AARP⁷. Слышала, тем, кто состоит в этой организации, магазины предоставляют большие скидки.

– Ха-ха. – Перси скорчила рожицу.

Я, улыбнувшись, отпила кофе.

– До скольких ты сегодня работаешь?

– До пяти.

В ветеринарной лечебнице доктора Хеннеси Перси начала работать еще в старших классах – сначала волонтером, но со временем заслужила собственную строчку в платежной ведомости. И пускай сама она об этом ничего не говорила, я подозревала, что она мечтает однажды

⁵ Гритс – каша из вареной кукурузной муки, типичный завтрак Американского Юга.

⁶ Persimmon – хурма (*англ.*).

⁷ AARP – американская организация, занимающаяся проблемами пожилых людей.

открыть собственную практику. Однако всему свое время – сначала ей нужно было закончить учебу. Уже через год она должна была получить диплом, а затем собиралась поступать в Обернский ветеринарный колледж.

Поставив миску на стол, Перси вытащила мобильный и сфотографировала Флору, которая как раз вздумала зевнуть. А затем зевнула сама. Я заметила темные круги у нее под глазами.

– Надеюсь, мы тебе ночью спать не мешали?

– Не-а. – Она сунула в рот вилку и не сказала больше ни слова.

Я отхлебнула кофе, сглотив вместе с темной жидкостью вертевшиеся у меня на языке вопросы.

Мы помолчали, и вдруг Перси заговорила.

– Блу, можно задать тебе кое-какой вопрос? Наверное, не самый простой.

– Конечно. Ты же знаешь, что в любой момент можешь спросить меня о чем угодно.

Я подалась вперед. Неужели она наконец решилась рассказать мне о тайном бойфренде? Боже, пожалуйста, пусть это будет правдой!

– А может такое случиться, что Флору у тебя отберут и отдадут на удочерение кому-то другому?

К такому удару под дых я была не готова, и дар речи вернулся ко мне только через несколько мгновений.

– Если честно, точно я не знаю, но сомневаюсь, что это возможно. Ведь суд назначил опекуницей меня. Насколько я понимаю, чтобы Флору у меня отобрали, должны появиться очень веские причины.

Мне больно было даже говорить об этом. Флора вошла в мою жизнь всего лишь двадцать четыре часа назад, но я уже не могла и дня без нее представить. И собиралась сделать все от меня зависящее, чтобы ее удочерить. Нужно было найти адвоката, и я рада была, что мне удалось кое-что скопить, ведь хорошие специалисты стоили недешево. Правда, накопленное я собиралась потратить на частное агентство, но жизнь всегда вносит в наши планы свои коррективы.

– Например, какие?

Я вдруг поняла, что погорячилась, когда разрешила Перси спрашивать меня о чем угодно.

– Например, если выяснится, что я не гожусь на роль опекуницы. Плохо с ней обращаюсь. Оставляю дома одну. Или совершила тяжкое преступление.

На последних словах брови Перси поползли вверх.

– Или носишь фамилию Бишоп.

Я закатила глаза.

– Хватит дразниться.

Она рассмеялась и снова принялась за свой гритс.

Флора пискнула и заерзала в своей колыбельке, и Перси тут же отставила миску, подхватила ее на руки и, ласково воркуя, принялась укачивать. Вскоре малышка снова уснула.

– Как ловко тебе удастся ее успокаивать, – заметила я.

– Новичкам везет.

Я пристально посмотрела на Перси. В другое время я бы и внимания не обратила на ее слова, но меня насторожило то, с каким жаром она это выпалила. К тому же и щеки у нее слегка порозовели. Зачем она так старалась убедить меня в том, что я не собиралась ставить под сомнение?

Покосившись на меня, Перси быстро положила Флору обратно в колыбельку.

– Пора бежать, а то опоздаю на занятия, во время которых нельзя переписываться.

Она ринулась в кухню, быстро ополоснула миску, схватила ключи от моей машины и, на бегу прокричав «Пока!», исчезла.

Стараясь забыть о том, как тревожно кольнуло у меня внутри, я вымыла кисточки и начала прибираться в студии, чтобы к тому моменту, как к нам заглянет судебный следователь, здесь было хоть какое-то подобие порядка.

Через окно мне виден был внутренний дворик соседнего дома. Я заметила сидевшего за столом Мо. Реечный навес отбрасывал на него полосатую тень, и оттого казалось, что Мо облачен в арестантскую робу. Он жевал банан и делал вид, будто читает газету. Но даже отсюда, с террасы, я видела, что «*Вестник Баттонвуда*» он держит вверх ногами.

На автоответчике остались сообщения от трех репортеров, жаждавших расспросить меня о Флоре. Но Шеп Уиллер посоветовал мне ни с кем не обсуждать случившееся, пока полиция не закроет дело. Я понимала, что история о подброшенном ребенке вскоре всем надоест, и журналисты переключатся на новости посвежее.

Продолжая прибираться в студии, я мысленно пообещала Зайчушке-попрыгушке, что обязательно выделю для нее время сегодня вечером. Текст и наброски к «*Зайчушка-Попрыгушка находит балетную студию*» в издательстве уже одобрили, но мне оставалось еще доделать три листа рисунков – и вот тогда тридцатидвухстраничная книга будет готова. Сдать материал я должна была через две недели, и в обычных обстоятельствах это означало бы, что у меня уйма времени. Но теперь появилась Флора, и мне еще только предстояло научиться распределять время между ней и работой.

В соседнем доме хлопнула стеклянная дверь, и во дворик бодрым шагом вышла Марло, неся на вытянутых руках поднос с завтраком. Стоило ей шевельнуть рукой или ногой, и в воздухе оставался едва заметный мерцающий золотистый след. Марло поставила поднос на стол и остановилась позади Мо, положила руки ему на плечи и что-то прошептала на ухо.

Мо выпрямился, и золотистое мерцание тут же померкло, а Марло, вдруг разом обессилев, упала на соседний стул. Мо рассмеялся и развернул газету правильно.

Флора захныкала, и я поскорее взяла ее на руки. А когда снова обернулась к окну, Марло уже скрылась в доме. Солнце теперь выхватывало из тени только лицо Мо. И оттого казалось, что он весь сияет, довольный, что сумел ненадолго сбежать из своей тюрьмы.

* * *

Пришла пора нам с Флорой отправляться в книжный. Когда мы вышли из дома, в воздухе сладко пахло цветущими глициниями, а наш ржавый забор был усыпан опавшими сиреневыми лепестками. Крошечное личико Флоры выглядывало из складок слинга, и я напоминала самой себе маму-кенгуру. Всю дорогу Флора попискивала – не плакала, просто напоминала о своем присутствии. Как будто я могла о ней забыть.

Маленький рюкзак со смесью, бутылочкой воды и запасом подгузников задорно подпрыгивал у меня на спине. Я же по-прежнему пыталась не обращать внимания на ветер, призывавший меня отправиться в лес на поиски неизвестно чего. Этим можно будет заняться после встречи с новым хозяином магазина – я очень надеялась, что она не займет много времени. Ничего сложного в том, чтобы подготовить магазин к открытию, не было, особенно если у человека уже был опыт работы в торговле.

Я, правда, не была уверена, что новый хозяин раньше чем-то торговал. Единственное, что мне было про него известно, – это что прежде он работал школьным учителем. Я даже имени его пока не знала. К тому моменту, как я надумала расспросить Марло о подробностях, они с Мо уже ушли к доктору. При иных обстоятельствах Марло обязательно тщательно подготовила бы меня к встрече, и то, что она этого не сделала, ясно давало понять, как она в последнее время замоталась.

Сердце Баттонвуда составляли четыре квартала, пестревшие магазинами, ресторанами, офисами, жилыми домами и аллеями городского парка. От центра концентрическими кру-

гами расходились спальные районы. Тут расположены были дома, церкви, скверы, бейсбольные поля, школы и небольшие местные фирмы вроде «Доддс электрикс», офис которой мистер Додд устроил в своем старом амбаре.

Чем дальше вы отходили от центра, тем сильнее аккуратные улочки начинали напоминать проселочные дороги. Здесь уже можно было встретить автомобильный завод, где трудилась большая часть населения Баттонвуда, общественный колледж, больницу, парочку чуть менее популярных в народе церквей и резиденции горожан, превыше всего ценивших уединение, о чем свидетельствовали приколотенные к заборам и деревьям таблички «Посторонним вход воспрещен».

Жители Баттонвуда представляли собой маленькое, но дружное сообщество. Обладавшее очень хорошей памятью. И никогда не забывавшее чужих ошибок.

Шагая по Тополиной аллее, делившей Баттонвуд на две равные части – восточную и западную, я ловила на себе любопытные взгляды. Поравнявшись со зданием банка, я отвернулась, не желая видеть его, и обратила внимание, что в парке уже устанавливают павильоны для фестиваля, который должен был состояться в выходные. Миновав парикмахерскую Буна Харди, я вдруг услышала, как кто-то меня окликает, и обернулась.

– Святые угодники, Блу! Вот уж кого не ожидала сегодня увидеть. – Ко мне спешила миссис Тиллман. Вокруг ее пухлых щечек прыгали задорные седые кудряшки. – Просто хотела поздороваться и одним глазком взглянуть на твою малышку. Ну и дела творятся: ребенок в лесу! Просто неслыханно. Ох, какая прелестная! Полиция еще не выяснила, чья она?

Миссис Тиллман была моей учительницей в пятом классе. Она вышла на пенсию уже добрых пять лет назад и теперь по будням помогала мужу в его хозяйственном магазине. Я любила ее больше других учителей, ведь она никогда не относилась ко мне иначе, чем к другим, из-за моей фамилии. Чего нельзя было сказать об остальных преподавателях. И даже о директоре.

Как бы мне ни хотелось заявить, что Флора *моя*, слова приходилось подбирать осторожно.

– Женщину, которая ее родила, пока не нашли.

Прищурившись, так что вокруг ее ярко-голубых глаз веером разошлись морщинки, миссис Тиллман возбужденно выпалила:

– Ведь это может быть кто-то из наших знакомых. Подумать только, дикость какая!

Шеп Уиллер как раз проверял все окрестные больницы и частные клиники. И если Флора родилась в наших краях, вскоре мы должны были об этом узнать. Старательно игнорируя внезапную тяжесть в груди, я ответила:

– Пока точно неизвестно, местная она или приезжая.

– Как же неизвестно? А пуговица? Будь эта женщина не из наших краев, как бы она поняла, кто ты такая? И откуда узнала бы о Платане? Про пуговицы известно только нашим. Надеюсь, полиция рассматривает версию, что какая-то из местных дам могла скрывать беременность?

Мимо нас медленно тянулись грузовики и легковушки. Люди ехали по своим делам. И мой раздраженный голос наверняка был слышен у них в машинах не менее отчетливо, чем звучавшие из динамиков песенки.

– Разве в наше время такое возможно?

Конечно, я для своей матери оказалась сюрпризом, а о том, что ждет Перси, она узнала только на седьмом месяце. Но ведь Твайла к тому времени, по ее собственному выражению, потеряла былую свежесть. К тому же она всегда была полной крупной женщиной и вполне могла не заметить, что набрала несколько килограммов.

Миссис Тиллман, рассмеявшись, заправила локон за ухо.

– Ну как же? Ты разве не смотришь по телевизору передачи про женщин, которые не знали, что беременны?

– Я почти не смотрю телевизор, – покачала головой я.

– В общем, это вполне возможно. На том и остановимся.

Отчего-то мне это соображение совсем не нравилось, но в причинах я разбираться не хотела. Не желала, и все.

– Мне пора на работу, – сказала я, указав пальцем себе за спину. – Нужно ввести новичка в курс дела.

– Оу? Марло наконец наняла менеджера? – Миссис Тиллман, поднявшись на цыпочки, взглянула через мое плечо на темные окна магазина. – Спорить готова, это тот мужчина, которого на неделе видели с ней в городе. Как его зовут? Откуда он?

К щекам прилила кровь. Ответить на эти вопросы мне пока было нечего.

– Лучше спросите Марло, – наконец нашлась я. – Приятно было с вами повидаться, миссис Тиллман.

– И мне, Блу. Не будь такой букой. Ты совсем в отшельницу превратилась. Заходи к нам в магазин. У нас твои книжки продаются – было бы просто чудесно, если бы ты согласилась их подписать.

А я и не знала, что в хозяйственном тоже есть мои книги. Я туда нечасто заглядывала, предпочитала все необходимое заказывать в интернете, чтобы лишний раз не пересекаться с соседями.

– Как мило с вашей стороны.

Миссис Тиллман отмахнулась:

– Так ведь книжки и в самом деле отличные. И я очень тобой горжусь, Блу.

На глаза навернулись слезы, но прежде чем я успела что-то ответить, миссис Тиллман щелкнула пальцами.

– Ну конечно! Тебе нужно вступить в Клуб мамочек Баттонвуда!

Клуб мамочек нужен был мне как зубная боль, но вспомнив о ниточках, я ответила:

– Я даже и не знала, что он существует.

– Конечно, существует. Там всем рады. Для молодых матерей это огромная поддержка. Особенно в первые дни, когда порой кажется, что в доме поселился хорошенький инопланетянинчик. – Она широко улыбнулась. – Я все тебе о них расскажу. Они с распростертыми объятиями тебя примут. Вернее, вас обеих.

Там всем рады.

Я смерила миссис Тиллман взглядом. То ли она была отличной актрисой, то ли и правда верила в то, что говорила. Я же, ступив на незнакомую почву, совсем растерялась.

– Спасибо.

– Ты ведь будешь на фестивале?

– Да, в павильоне «Кроличьей норы». Я – вдруг задумалась, смогу ли прийти теперь, когда у меня появилась Флора. Но и подвести Марло было нельзя, меня бы совесть замучила. Мне еще предстояло сообразить, как все это устроить.

– У Клуба мамочек тоже будет свой павильон. Я тебе покажу. И сразу со всеми познакомлю.

Улыбка у меня вышла такая натянутая, что даже челюсти заболели.

– Хорошо.

Она снова заглянула в слинг, затем ласково погладила меня по плечу, как делала, когда мне, маленькой, удавалось заслужить ее одобрение.

– Мне, конечно, неизвестно, кто произвел эту малышку на свет, но могу точно сказать, что она попала в хорошие руки. Ты станешь прекрасной мамой, Блу Бишоп. Прекрасной мамой.

Помахав мне на прощание, она снова заспешила в сторону расположенного в квартале отсюда хозяйственного магазина. Я несколько минут смотрела ей вслед, стараясь сглотнуть комок в горле. А затем наконец направилась к книжному.

Солнце ярко освещало его витрину. За стеклом виднелись закрепленные на разных уровнях полки и расставленные на них книги. И я улыбнулась, заметив, что рядом с моей окруженной игрушечными лягушками книжкой «Зайчушка-Попрыгушка находит Головастика» стоит карточка с надписью «местный автор».

Марло, как истинная мать-наседка, очень гордилась своими цыплятками.

Порой, видя на обложке свое имя, я все еще не верила, что это правда. Пока Марло и Мо не взяли меня под крыло, я даже не задумывалась, кем хочу стать. Мне просто хотелось быть нормальной. Нормальной девочкой из нормальной семьи, живущей в нормальном городе. И я даже не представляла, что из моей любви к рисованию может вырасти что-то более серьезное, чем хобби.

Но в книжный я просто влюбилась. На меня огромное впечатление произвели как Марло с ее любовью к кроликам, так и множество книжек, в которых объяснялось, что быть не таким, как все, – вовсе не плохо. «Хризантема». «Новый друг малютки Квака». «История Фердинанда». «Кем бы ты ни был». «Принцесса Всезнайка».

И тогда я начала рисовать юную крольчиху. Которая так же, как и я, умела находить пропавшие вещи. Четыре года она жила лишь в моих рисунках, но затем Марло и Мо стали уговаривать меня написать о ней историю. А когда я сделала это, убедили отправить книгу литературному агенту. И словно сами звезды пришли мне на помощь: агент заключил со мной договор, а вскоре моей книжкой заинтересовалось крупное нью-йоркское издательство. Так моя карьера пошла в гору.

Стоило мне вынуть из кармана шорт ключ от магазина, как справа распахнулась дверь закусочной «У Китти» и из нее вышла женщина с телефоном в одной руке и стаканчиком кофе в другой. Подняв глаза от экрана, она увидела меня, и лицо ее мгновенно посуровело. Скользнув взглядом по Флоре, она развернулась на каблуках и заспешила прочь.

– Это Джинни Ландрено, – объяснила я малышке. – Она нас не любит, потому что мой отец отнял у ее семьи дом. Тебе еще предстоит узнать, что в городе есть люди, с которыми лучше не пересекаться. Например, Джинни. Или Олета Блэксток. Не то они потом будут приходить к тебе в кошмарах.

Я позволила себе на целую секунду задержать взгляд на здании банка. Банка Олеты. Ее стараниями город так и не забыл, что однажды туда с оружием ворвались мальчишки Бишоп и забрали все деньги, которые потом попросту сгорели. И неважно, что банк был застрахован. И что деньги на самом деле принадлежали не ей. И что мои братья дорого заплатили за эту ошибку.

Олета вызывала у меня... оторопь.

Чтобы воспоминания о прошлом не засосали меня окончательно, я поскорее открыла магазин и вошла внутрь. До встречи еще оставалось немного времени, и я, выключая сигнализацию и закрывая за собой дверь, порадовалась, что немного побуду в книжном одна.

Прижавшись щекой к головке Флоры, я глубоко вдохнула знакомый аромат магазина. Здесь всегда пахло чем-то очень похожим на любовь. Сморгнув набежавшие слезинки, я включила свет. Нужно быть сильной. Марло приняла решение, и я должна ее поддержать, как она поддерживала меня все эти годы.

Под потолком загорелись лампочки, Флора заморгала от неожиданности и, выплюнув пристегнутую к краю слинга соску, издала недовольный вопль.

– Секундочку, – сказала я, погладив ее по спинке и проходя в глубь магазина. – Скоро привыкнешь.

Вдоль задней стены – от пола и примерно до середины человеческого роста – тянулись книжные полки, а над ними красовалась роспись. Я замедлила шаг и с минуту полюбовалась ею. Художник изобразил на стене дерево с пышной зеленой кроной и длинными узловатыми корнями. Посреди ствола видно было глубокое дупло, рядом, на нижней ветке, сидела блестящая ворона с мудрыми глазами, а внизу, у освещенной теплым светом норы между корней, собралось семейство кроликов. Двое взрослых, карамельного оттенка, и дюжина маленьких, с разноцветной шерсткой, глазами и носиками.

Фреска появилась в магазине задолго до того, как я впервые переступила его порог, и все же я не могла отделаться от мысли, что среди собравшихся у норы кроликов были и мы с Перси. И в то же время мне казалось, что каждый ребенок, хоть раз приходивший в книжный, видел в одном из крольчат с картинки себя. Соседние стены были оклеены обоями с изображением густого темного леса. Золотистые искорки среди стволов и пестревшие внизу, у корней, грибные шляпки как бы намекали, что там, в чащобе, водятся феи и гномы.

В центральной части магазина высились стеллажи, делившие пространство на отделы для разных возрастов. Книжки-игрушки, книжки с картинками, «учимся читать», «для начальной школы», «для подростков», «для юношества». В задней части магазина располагались читальный зал, где регулярно устраивали чтения для ребятишек, и мастерская. Мягкие стулья и кресла-мешки так и манили задержаться тут подольше. Все свободные поверхности и укромные уголки были заставлены мягкими игрушками, журналами, жестяными баночками, раскрасками, куклами, репродукциями, блокнотами с Зайчушкой-Попрыгушкой, маленькими рюкзачками и кружками с отзывами родителей, бабушек и дедушек. Сувениры раскупали даже быстрее, чем книжки, что помогало магазину держаться на плаву.

Флора завозилась, я снова предложила ей соску, и она радостно вцепилась в нее деснами. Без сомнения, она была самой покладистой новорожденной в мире.

Я подошла к стеллажу, стоявшему на отшибе, возле входной двери. Это был особый стеллаж «Кроличьей норы» – сюда ставили книжки о кроликах. Для Зайчушки-Попрыгушки выделили целую полку, на других вперемешку стояли «Банникула», «Кролик Питер», «Зефирка», «Заинька», «Бархатный кролик», «Крольчонок Фу-фу» и, конечно же, «Приключения Алисы в стране чудес» с белым кроликом на обложке.

Внезапно со второго этажа, из располагавшегося над магазином жилого помещения, послышался шум шагов, и я вскинула голову. Надо же, я и не знала, что новый владелец поселился тут. Это значило, что он может объявиться в любую минуту. От напряжения все внутри сжалось в комок. А затем взгляд мой упал на меловую доску, которую в рабочие часы всегда выставляли перед входом в магазин.

И я поняла, что не удержусь. Сняла рюкзак, достала из-за стойки ведро с мелом и принялась за работу.

ДОМ! ВОТ ЧТО ОБОЗНАЧАЛИ ЭТИ МЯГКИЕ ПРИКОСНОВЕНИЯ НЕВИДИМЫХ РУК. ЧЬИ-ТО ЛАСКОВЫЕ ПРИЗЫВЫ, КАК ЛЕГКОЕ ДУНОВЕНИЕ, ВЛЕКЛИ, ПРИТЯГИВАЛИ И МАНИЛИ ВСЕ В ОДНОМ И ТОМ ЖЕ НАПРАВЛЕНИИ⁸.

Закончив выписывать цитату из «Ветра в ивах», я нарисовала в нижней части доски мистера Крота, мистера Крысси, мистера Жаба и мистера Барсука. Поднялась на ноги и, обернувшись, обнаружила, что за мной, прислонившись к стойке, наблюдает незнакомец.

От неожиданности я едва не выронила мел, а Флора, снова выплюнув соску, бурно выразила свое недовольство.

⁸ Цитата из сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма.

– Боже правый! Вам никто не говорил, что подглядывать нехорошо? – выпалила я куда резче, чем собиралась. И, покачав Флору, добавила, обращаясь к ней: – Ну-ну, тебе еще повезло, что я на ногах устояла.

Губы мужчины тронула улыбка, он примирительно вскинул руки.

– Приношу вам обоим свои извинения. Я не хотел мешать вам рисовать. – Протянув руку, он поймал раскачивавшуюся на цепочке соску и снова предложил ее Флоре. Она лениво моргнула, выдула пузырь из слюны и ухватила соску губками. – Насколько я понимаю, это Флора? Марло вчера вечером все уши мне о ней прожужжала. Бога ради, объясните, как она держится в этой штуке? Это не опасно?

Он принялся с таким серьезным видом изучать обмотанный вокруг меня слинг, что я, не удержавшись, улыбнулась. Убрала ведро с мелом за стойку и похлопала по крепкому узлу у себя на бедре.

– Вы удивитесь, но нет, это совсем не опасно. Я Блу Бишоп.

– Знаю. Мы уже встречались раньше. Смотрю, вас по-прежнему на каждом шагу подстерегают находки. – Он со смехом кивнул на Флору.

Удивленная, я повнимательнее взглядела в его лицо.

– Я что, отыскала для вас какую-то потерянную вещь?

Бог свидетель, я многим помогла отыскать пропавшие вещи. Правда, не всегда по собственной воле. Меня вел к ним ветер, но объяснить это было практически невозможно.

Как-то в детстве я попыталась рассказать о своих взаимоотношениях с ветром Твайле. Повела ее, что он подталкивает и направляет меня, притом порой это случается в те дни, когда окружающим кажется, что на улице тишь да гладь. Что каждое утро он заставляет меня гулять по огибающей Баттонвуд тропе, а в другое время приводит туда, где кто-то из жителей что-нибудь потерял. Как-то раз, например, я благодаря ему оказалась на парковке, где моя учительница обронила ключи.

Твайла тогда сказала мне, что способность находить потерянное – это особый дар и мне не стоит никому о нем рассказывать. И я по сей день не знала, пыталась ли она защитить меня от насмешек – ведь люди, услышав такое, наверняка решили бы, что у меня не все дома, или просто шутила, полагая, что у меня разыгралось воображение. Так или иначе, но за все эти годы я рассказала о своем даре только самым близким – Перси, Марло и Мо. Да и то лишь для того, чтобы объяснить, почему я вечно где-то брожу.

– Вообще-то да. Вы помогли мне найти себя, и я этого никогда не забуду. Меня зовут Генри Далтон.

Он протянул мне руку, и я растерянно пожала ее, вглядываясь в его черты. Синие глаза, темные, почти черные брови, заправленные за уши волнистые волосы. Едва заметные ямочки на покрытых короткой щетиной щеках. На вид ему было чуть больше, чем мне, может, немного за тридцать. У меня было не так уж много знакомых, и я никак не могла понять, почему же не могу вспомнить этого мужчину.

– Это было давным-давно, – добавил он, сжавшись надо мной. – И кстати, прямо тут, в магазине. Помните, когда в мастерской еще стояла крепость из подушек?

И внезапно меня унесло в прошлое. Я вспомнила, как в свои двенадцать пряталась в той крепости вместе со стопкой книг, уснувшей Перси и собственным смущением. И как меня нашел там мальчик. Он сказал, что слышал, как дети дразнили меня, и что ему стыдно за них. По глазам было видно, что он не врет. Потом он спросил, можно ли ему со мной посидеть, и я подвинулась, уступая ему место. Мы по большей части молчали, и все же мне в тот день не удалось прочесть ни строчки из книжки, которую мы вместе рассматривали. Как того мальчика звали, я не знала. Никогда не видела его прежде. И больше мы не встречались. До сегодняшнего дня.

Тот вечер в свое время вдохновил меня на книгу «Зайчушка-Попрыгушка находит друга». И мне стало интересно, читал ли он ее.

– Генри, – произнесла я. Звуки его имени так приятно перекачивались на языке. – Я не совсем понимаю, как помогла тебе найти себя. Это ведь ты в тот день меня нашел.

– Долгая история. Лучше оставим ее для другого раза, скоро магазин открывать.

– Верно. Пора браться за работу, – отозвалась я, испытав легкое разочарование от того, что так и не узнала подробностей. – Кстати, у меня есть кое-что для тебя. – Я вручила ему матерчатый мешочек, наполненный печеньем. В верхней его части к ткани была приколата карточка с надписью: «Добро пожаловать в «Кроличью нору»!

Генри улыбнулся, в уголках его рта показались едва заметные морщинки, и сильнее проступили ямочки на щеках.

– Надеюсь, они не отравлены? Марло сказала, ты очень расстроилась из-за того, что она продала магазин мне.

Бросив взгляд на мешочек, я невинно заморгала.

– Масло, орех пекан и немного мышьяка. Мой особый рецепт.

К счастью, Генри не обиделся, наоборот, расхохотался, и я слегка расслабилась.

– На самом деле там масло, орех пекан и корица. Но они вызывают привыкание. На этот раз я честно предупреждаю. И, между прочим, я пришла как раз для того, чтобы примириться с продажей магазина. Главное, чтобы Марло была счастлива.

– Ты очень добра. Спасибо.

Кивнув, я стала объяснять ему, что необходимо сделать до открытия магазина. Показала, где отключается сигнализация, подвела к кондиционеру, затем к кассовому аппарату, объяснила, как работать с программой, которая ведет учет рабочего времени сотрудников. Под конец мы остановились у меловой доски, которую всегда устанавливали перед дверью магазина.

– В детстве мне как-то раз довелось услышать «Ветер в ивах» в исполнении Мо, и с тех пор эта книга стала моей любимой, – сказал Генри. – У него совершенно невероятная манера чтения, ее невозможно забыть.

– Это уж точно, – улыбнулась я. – Сколько лет с тех пор прошло? Семнадцать?

– Вообще-то, наверное, двадцать – мы с семьей часто сюда приезжали, когда я был маленьким. Но я помню, как Мо читал, как будто это было вчера. Такие воспоминания на всю жизнь остаются.

Я покосилась на картинку на стене. Все мы крольчата. И переступила с ноги на ногу, укачивая Флору.

– Он и правда производит неизгладимое впечатление.

– Мы с Марло были на связи все эти годы. Переписывались. И когда она упомянула, что хочет продать магазин, я ухватился за этот шанс. Я люблю преподавать, но всегда мечтал о собственном книжном. И вернуться в Баттонвуд тоже очень хотел. В этом месте есть что-то волшебное. Повезло тебе, что ты тут росла.

Я вскинула бровь, но возражать не стала. Генри хотел сюда вернуться, мне же не терпелось отсюда уехать.

– А сам ты откуда?

– Родился и вырос в Огайо, – подобрав меловую доску, он распахнул передо мной и Флорой входную дверь и кивнул на цитату. – Думала о доме?

Сквозь листву просачивались солнечные лучи, оставляя на тротуаре кружевные тени. И я ступила туда, чтобы Флора не перегрелась на солнце.

– В каком-то смысле да, ведь этот магазин для меня все равно что дом. – Сердце забилось у меня прямо в горле, но я все же нашла в себе силы спросить. – Ты многое тут собираешься поменять?

– Только одно.

– Пожалуйста, не говори, что хочешь закрасить фреску.

Я знала, что биться за нее буду насмерть, как бы ни старалась всю жизнь избегать конфликтов.

– Нет, фреска останется. – Он отступил от меловой доски, поднял на меня глаза и произнес: – Но я хочу снова построить в мастерской крепость из подушек.

5

– Я вам никогда не рассказывал, как Кобб Бишоп увел у моего папаши сотню долларов, двести акров земли, две говяжьи туши и его любимую трубку? – спросил Кэлвин Андерхилл. Застыв в дверях магазина «Корма и семена Кэла» с собственной шляпой в руке, он перекрыл судье Квимби выход на улицу.

Миссис Квимби поручила ему купить корма для птиц, но стоило судье войти в магазин, как перед ним вырос Кэлвин и попросил уделить ему минутку. Судья покосился на его руки. Грубые, мозолистые. С черной каймой под коротко остриженными ногтями. По таким рукам сразу было видно, что хозяин их привык к тяжелому труду. Ферма Кэлвина была одной из самых прибыльных в округе, а самого его все почитали за доброго, честного, богобоязненного человека.

– И как же Коббу это удалось?

На щеках Кэлвина вспыхнули яркие пятна.

– Он обжулил его в пул, сэр.

Судья мог бы сказать, что идиот, отважившийся играть с Коббом в пул, получал ровно то, что заслуживал. Вся округа знала, что патриарх семьи Бишоп – человек обаятельный, но отпетый мошенник.

Кэлвин тем временем продолжал:

– А Мак Бишоп в старших классах губу мне разбил. А я и не сделал-то ничего, заметил только, что у него ботинки дырявые. Он вообще вечно задирался. Когда прошел слух, что его убили в кабацкой драке, я лично вовсе не удивился. Да и никто в городе не удивился.

У Бишопов было пятеро детей. Три мальчика и две девочки: Мак, Уэйд, Тай, Блу и Персиммон. Старшему, Маку, было всего двадцать, когда он погиб неподалеку от Форта Джексон. Выживи он, и они с сорокавосемилетним Кэлом сейчас были бы ровесниками. Судья подумал еще, что раз уж это Кэлвин в тот раз завел речь о башмаках Мака, то еще вопрос, кто из них первый начал задираться.

– И вам известно, конечно, – не унимался Кэлвин, – что в тот день, когда Уэйд и Тай вломились в «Блэксток банк», как раз была смена моей мамы. Ей-богу, это потрясение у нее десять лет жизни отняло, упокой Господи ее душу.

Правда это или нет, судье было неизвестно. Однако он точно знал, что в день ограбления с жизнью попрощались только сами Уэйд и Тай. Пытались удрать с деньгами на автомобиле, потеряли управление, машина упала с эстакады и загорелась. Блу в то время было одиннадцать лет. Ее еще и подростком назвать было нельзя, а она уже потеряла отца и трех братьев. Пожалуй, столько смертей и горя и для взрослого-то было бы чересчур, что уж говорить о ребенке.

– Зачем вы мне все это рассказываете? – спросил судья, подозревая, что заранее знает ответ. Вот уже несколько дней его по всему городу подстерегали люди, жаждавшие поделиться своим мнением о Блу и о том, как следует поступить с подкидышем.

– О Блу мне сказать нечего, я с ней особо не пересекался, – отозвался Кэлвин. – Но она Бишоп, и лично мне этого уже достаточно. Того ребенка, что она нашла, нужно спасать от нее. Любой ценой.

Блу

– Правда же, такое чувство, будто мы вернулись в прошлое? – спросила Перси пару дней спустя, когда мы, стоя на четвереньках с мокрыми тряпками в руках, отскребали деревянные половицы в гостиной. От работы ее румяные щечки покраснелись больше обыкновенного.

Судебный следователь должен был зайти к нам сегодня днем, и мы затеяли генеральную уборку. К счастью, эта комната была последней в нашем списке, потому что я уже падала от усталости, а еще ведь даже и восьми утра не пробило.

Я взглянула на Флору. Завернутая в пеленки, она лежала в колыбельке, а над ней, подвешенные на специальном держателе, раскачивались разноцветные игрушки.

– Стоит мне вдохнуть запах уксуса, как я сразу же переношусь в детство.

Твайла считала, что не бывает на свете грязи, с которой нельзя было бы справиться при помощи уксуса. Он приходил ей на помощь всегда: когда нужно было вымыть окна, полы, отстирать въевшиеся пятна, вывести дурной запах и даже вылечить бородавки.

– Честное слово, мне иногда просто так запах уксуса чудится, даже когда его рядом нет, – продолжала Перси. – Такое чувство, будто в детстве я так часто его вдыхала, что он теперь записан в моем генетическом коде.

– Даже не сомневаюсь.

Я начала оттирать с белого плитуса черную полосу. От судебного следователя зависело, останется ли Флора со мной в обозримом будущем. Я изо всех сил старалась не дать волю расшалившимся нервам, но в животе у меня постоянно что-то ныло, скручивалось и переворачивалось. Я бы сейчас с большим удовольствием оказалась в «Кроличьей норе», чем ползать тут на четвереньках, сходя с ума от волнения.

В последние дни по утрам я работала в книжном с Генри. Марло будто нарочно каждый раз вспоминала что-то новое, чему я еще не успела его обучить. Как работать с программой бухгалтерского учета. Как проводить инвентаризацию. Как заказывать книжки. Как возвращать товар. Но я была не против. Генри оказался милым парнем и схватывал на лету. Торговля тоже шла на славу. Правда, я подозревала, что горожане наводнили магазин из-за шумихи, а не потому, что внезапно сделались книголюбями.

У меня было столько дел в книжном, что на прогулки по лесу времени почти не оставалось. И, как ни странно, ветер не донимал меня, словно понимал, что я и без того с ног сбиваюсь. Подняв голову, я задержала взгляд на качавшихся за окном ветвях разросшегося на заднем дворе миртового дерева. И мысленно пообещала себе, что сразу после ухода следователя мы с Флорой отправимся гулять в лес. Вот-вот расцветет боярышник, из его цветов получаются отличные желтые чернила. И вдруг – кто знает? – я именно сегодня найду то самое безымянное нечто.

Я продолжала оттирать плитус в гостиной, стараясь не дать себе окончательно погрузиться в воспоминания. Но запах уксуса уже пробудил призраков прошлого. Они захватили мои мысли и перенесли меня в один из худших дней моей жизни: в тот, когда мы похоронили Уэйда и Тая на Баттонвудском кладбище, на том же участке, где уже много лет покоился Мак. Предательское солнце весело улыбалось с неба, ветер же скорбел вместе с нами.

И, предаваясь горю, отчаянно тряс наш дом вместе со всеми его обитателями.

– Мне нужно уйти, – объявил папа Твайле. Она тихонько рыдала, сидя в кухне, и плечи ее дрожали так сильно, будто их тряс стоявший за стулом невидимый враг. – Я все решил. Не пытайся меня удержать. Так будет лучше для всех нас.

– *Не лучше.* Не уходи, – умоляла его Твайла. – Пожалуйста, не уходи.

– Я должен, – возразил он, и лишь те, кто хорошо его знал, смогли бы расслышать дрожь в его голосе.

Быстро собрав нехитрые пожитки, он вышел за дверь и так ни разу и не оглянулся на тех, кого покидал.

Проводив его, убитая горем Твайла легла в постель и не вылезала из нее почти месяц. А после, несмотря на то что за ней числились приводы за подделку чеков, мелкие магазинные кражи и нападение на полицейского – однажды она врезала копу, явившемуся к нам домой за Уэйдом, – Твайле каким-то чудом удалось получить работу в Городском ботаническом саду.

Днем она пропадала там, а ночами топила свои горести в виски. Боясь снова испытать боль, она совершенно замкнулась, тем самым лишив себя малейшего шанса на счастье.

Два месяца спустя к нам постучался шериф из соседнего штата и сообщил о смерти отца. Чего-то такого мы и ожидали, так что эта новость не стала для нас шоком. Папу похоронили рядом с его любимыми мальчиками. Церемония была скромная – пришло всего несколько человек.

С одиннадцати лет мне пришлось взять на себя уборку дома – да и все остальные заботы по хозяйству, включая уход за несушками, которых Твайла украла с соседней фермы, чтобы у нас были свежие яйца. Перси, которая, с тех пор как научилась ходить, всегда тенью следовала за мной, с радостью мне помогала. Потому нам сегодня и казалось, что мы перенеслись в прошлое.

- Блу? Ты меня слышала?
- Ммм?
- Я спросила, когда придет следователь.
- Около часа.
- Долгое будет утро, – вздохнула она.
- Еще какое.

Перси сунула руку в ведро с водой, отжала губку и принялась отмывать дубовую половицу. Во второй руке она держала сухую тряпку из микрофибры, которой насухо вытирала доски, чтобы пол заблестел.

Дело это было утомительное, но результат того стоил. Специалисты утверждали, что дерево уксусом мыть нельзя. Он якобы разъедает древесину. Но как по мне, ради того чтобы раскрыть во всей красе то, что скрывалось под налетом грязи, стоило рискнуть.

Я подползла на четвереньках к колыбельке и заглянула в нее. Флора уснула, ее ангельское личико разгладилось, щеки разругались. Ротик приоткрылся, и на губе белела капелька молочной смеси. Я промокнула ее уголком одеяльца. И помедлив с минуту, неохотно вернулась к работе.

Перси перебралась на другое место и ногтем отцепила приставшую к полу ворсинку.

- Думаешь, следователь будет проверять, нет ли на плинтусах пыли и пятен?
- Не знаю, но лучше перестраховаться. Когда я решила организовать в доме детский кружок, соцработник даже в шкафы заглядывал – вдруг там спряталась паутина?
- Вот черт.
- Они очень серьезно относятся к своей работе.

Я мысленно пробежалась по списку дел, которые необходимо было закончить до прихода следователя. Жаль, что времени на все, что я наметила сделать, явно не хватало. Я уже точно не успевала заменить уплотнитель в одной из рам на террасе. И треснувшую плитку в ванной на первом этаже. Отнести коврики в химчистку. *Стать ниточкой в плотной ткани общества.*

С тех пор как появилась Флора, я несколько не расширила свой круг общения. Но сегодня вечером собиралась вместе с Марло пойти в «Аромат магнолий» и почитать пациентам. Делать мне этого совершенно не хотелось, но я знала, как серьезно к такому относятся суд и соцработники, и заставила себя выйти из зоны комфорта.

Взять с собой Флору было нельзя, с ней вызвалась посидеть Перси. И я в ужас приходила от мысли, что мне придется с ней разлучиться.

Я снова подошла к люльке и приладила светлый пушок на голове малышки. Флора поначалу завозилась, но вскоре успокоилась.

Нет, я вовсе не испытывала радости от того, что запланировала на вечер. Но ради нее я готова была нацепить фальшивую улыбку и сделать все, что от меня требуется. Каждый шаг, который мне еще предстояло совершить, чтобы выйти из зоны комфорта, того стоил.

Каждый. Шаг.

А у меня было ощущение, что их впереди еще много.

Сара Грейс

– Просто позвони ей, Сара Грейс, – сказала Кибби, сидевшая за столом напротив меня. – Блу уже тысячу лет мечтает продать этот дом. И она вовсе не сидит взаперти. Я вчера видела их с малышкой в книжном.

– Правда?

Офис «Милого дома» находился на Оук-стрит, в трех кварталах западнее главной площади – и «Кроличьей норы». Когда-то в этом маленьком домике располагалась парикмахерская. Но шесть лет назад ее хозяин решил выйти на пенсию и выставил помещение на продажу, а я купила его на деньги, которые мне оставила бабуля Кэбот. Я тогда только пять месяцев как окончила колледж и пыталась убежать от прошлого и воплотить в жизнь еще оставшиеся у меня надежды и мечты о собственном бизнесе.

Позже я отремонтировала коттедж, убрав все, что напоминало об обосновавшейся тут еще в семидесятые парикмахерской – включая глянцевый коричневый линолеум и обои в желто-оранжевую полоску. И превратила его в уютное местечко с бледно-зелеными стенами, панелями цвета слоновой кости и сосновыми половицами. Входя в домик, посетитель сразу попадал в комнату, которую мы с Кибби называли приемной. По виду она смахивала на обычную гостиную – удобные диваны, мягкие кресла и журнальный столик. Там я беседовала с нашими потенциальными арендаторами.

Задняя часть домика представляла собой одно просторное помещение. С одной стороны в нем располагалась небольшая кухонька, с другой – наши письменные столы, а по центру стояла высокая стойка и четыре барных стула.

«Милый дом» постепенно расширялся, мебели становилось все больше – недавно мне пришлось установить в офисной части несколько стеллажей и картотечных шкафов. Порой я подумывала о том, чтобы сделать к коттеджу пристройку. А иногда приходила к выводу, что лучше просто перебраться в более просторное помещение. И второй план явно нравился дому больше. Ему страшно не хватало вечно царившей в парикмахерской суматохи. Он скучал по виниловым обоям, а мой дизайн обзывал скукотой.

– Это классика, – пыталась возражать я. Но коттедж только громче причитал, ни на минуту не давая мне забыть, что считает выбранный мной оттенок зеленого мерзким и унылым.

Слава богу, с годами я сообразила, как отключать у домов звук. Некоторые из них бубнили не переставая, и, не научись я прикручивать им громкость, я бы работать не смогла.

– Блу теперь почти каждое утро проводит в книжном. – Кибби подавила зевоту. – Помогает новому владельцу Генри освоиться.

– Как? С младенцем на руках?

– Марло на этой неделе занята. Водит Мо по врачам – ему делают полное обследование. У меня захолонуло сердце.

– О.

Бедный Мо. Бедная Марло.

– Ага, – едва заметно дрогнувшим голосом отозвалась Кибби. – Блу приходит еще до открытия, чтобы Флора – так называли малышку – лишний раз не контактировала с покупателями. Оказывается, у новорожденных слабый иммунитет, так что в толчее им лучше не оказываться.

– Звучит разумно.

Теперь мне ясно было, почему Блу помогает Марло, несмотря на то что недавно стала матерью. Весь Баттонвуд знал, что Аллеманы были Блу ближе, чем родная семья.

– Блу носит малышку в слинге, – улыбнулась Кибби. – Выглядит просто очаровательно. Наверно, завтра снова ее увижу. Если хочешь, я могу рассказать ей о твоём предложении, прощупать почву и передать, что ты ей позвонишь.

Прошло уже три дня с тех пор, как я ездила на ферму Бишопов. И как бы мне ни хотелось поскорее отправить Блу предложение о покупке, неудобно было беспокоить ее буквально через пару дней после того, как она нашла подкидыша.

– Нет-нет. Я сама позвоню. Может, заскочу завтра в книжный. Мне бы тоже хотелось посмотреть на девочку.

Кибби снова зевнула.

– Она невероятно миленькая.

Моя сестричка явно постаралась навести красоту перед началом рабочего дня. Завила свои светлые волосы, тщательно накрасилась. Но мне даже из-за письменного стола было видно, что круги под ее глазами не мог замаскировать и консилер. Лицо ее осунулось, глаза потускнели, казалось, она совершенно измотана. Определенно, Кибби работала слишком много, совершенно не оставляя себе времени на отдых.

– У тебя сегодня очень усталый вид. Хочешь после обеда пойти домой? Я не против.

Она рассмеялась и направилась к кофейнику.

– Нет, все в порядке. Просто нужна доза кофеина.

– Или отпуск.

Я покопалась в лежащих на столе бумагах, пытаюсь найти нужный документ. Два купленных «Милым домом» здания находились сейчас на разных стадиях ремонта, к тому же я надеялась, что вскоре подпишу контракт с Блу. Конечно, бизнес был моим любимым детищем, но при этом отнимал много времени и сил. Частенько я приезжала в офис чуть свет, а домой возвращалась поздно вечером. И все это время просиживала на рабочем месте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.